МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (20), 2020

Тверь 2020

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2020. № 1 (20). 94 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования
(адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 1 (20), 2020

Редактор М.Б. Юдина
Корректор А.В. Смирнов

Подписано в печать 30.04.2020
Дата выхода в свет 07.08.2020

Формат 60x84 1/8	Цена свободная	Бумага писчая
Физ. п. л. 11,75	Усл. п. л. 10,93	Уч.-изд. л. 10,22
Тираж 500 экз.	Заказ № 336	С – 94

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес издателя: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22
Отпечатано в ООО «Наукоемкие технологии»
Центр инженерной печати
170024, г. Тверь, ул. Академическая, д. 14

© Тверской государственный
технический университет, 2020

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ 5

Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Трактовки природы пола в политико-философских доктринах коммунизма и анархизма конца XVIII – середины XIX веков 5

Цуркан Д.А. Об отчуждении в цифровую эпоху 12

Егорова О.А. Симбиоз философии экзистенциализма и психологизма литературных образов Эрнеста Хемингуэя 18

Занегина Н.В. Некоторые замечания о свободе брачного выбора в прошлом 26

Долгова Т.В., Новожилова И.В., Гефеле О.Ф. Социальная модернизация и современность: к постановке проблемы 33

Кольцов И.В. Математическое моделирование и вычислительный эксперимент как современные методы научного познания 38

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ 44

Чечурова Ю.Ю. Индивидуально-личностные особенности стиля управления женщин-руководителей 44

Лавриков С.В. Православные духовные ценности в системе трудовых мотиваций русского народа 54

Милюкова О.В. Стиль управления как фактор психологической и экономической эффективности деятельности менеджеров отдела продаж 59

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ 68

Артемьев А.А., Кохно П.А. Системно-инфраструктурная политика России 68

Орлова Н.Н. Механизм управления эффективностью труда научно-педагогических работников 81

Липатникова В.А., Шапкина Д.Д., Розова С.В. Совершенствование управления качеством образовательных услуг на муниципальном уровне 88

Правила представления статей для публикации в журнале 92

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT 5

Kozlova N.N., Rassadin S.V. Interpretations of the nature of gender in the political and philosophical doctrines of communism and anarchism of the late XVIII–mid-XIX centuries 5

Turcan D.A. About aliening in the digital society 12

Egorova O.A. Symbiosis of existential philosophy and psychologism of Ernest Hemingway's literary images 18

Zanegina N.V. Some remarks on freedom of marriage in the past 26

Dolgova T.V., Novozhilova I.V., Gefele O.F. Social modernization and modernity: to statement of the problem 33

Kolcov I.V. Mathematical modeling and computational experiment as modern methods of scientific knowledge 38

PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE 44

Chechurova Yu.Yu. Individual–personal characteristics of the leadership style of women managers 44

Lavrikov S.V. Orthodox spiritual values in the system labor motivations of the Russian people 54

Milyukova O.V. Management style as a factor of psychological and economic efficiency of the activities of management departments 59

PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT 68

Artemyev A.A., Kokhno P.A. System and infrastructure policy of Russia 68

Orlova N.N. Labor efficiency management mechanism scientific and pedagogical workers 81

Lipatnikova V.A., Shapkina D.D., Rozova S.V. Improving the management of the quality of educational services at the municipal level 88

Article rules for journal publishing 92

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1(091)

ТРАКТОВКИ ПРИРОДЫ ПОЛА В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ДОКТРИНАХ КОММУНИЗМА И АНАРХИЗМА КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКОВ

Н.Н. Козлова*, С.В. Рассадин**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
**ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Козлова Н.Н., Рассадин С.В. , 2020

Рассмотрены интерпретации социального назначения женщин и мужчин в политико-философских доктринах левого спектра – коммунизма и анархизма конца XVIII – середины XIX вв. Авторы приходят к выводу, что в данных доктринах, основанных на социальном равенстве, взгляды на назначение женщины существенно различаются. В рамках коммунистической концепции женщина является полноценным субъектом социально-политического строя, ее положение в обществе выступает критерием прогресса. Мыслители коммунистического толка увидели потенциал в использовании женского сегмента в строительстве нового общества, что способствовало воплощению коммунистических идей на практике. Напротив, идеи анархиста Прудона являются компендиумом мизогинистических установок: мыслитель исключает женщин из круга равноправных субъектов, что существенно сужает социальную базу теоретически сконструированного им общества.

Ключевые слова: *анархизм, коммунизм, женственность, мужественность, мизогинизм, гендер, политика, общество.*

Цель данной статьи – рассмотреть трактовку природы пола в политико-философских доктринах левого толка конца XVIII – середины XIX вв. Данное исследование является продолжением серии статей, в которых анализируются взгляды мыслителей на социальное назначение женщин и мужчин [6–9]. До появления конструктивистского подхода сущность женщин и мужчин объяснялась биологическими особенностями, несмотря на различные теоретико-методологические основания парадигм исторических эпох – теологизм, рационализм и пр. Обратимся к трудам утопических мыслителей, идеи которых относительно социально-политического устройства общества противоположны современному им интеллектуальному мейнстриму. Отдельные аспекты данной проблемы были рассмотрены в трудах западных и российских исследователей: С. Окин, В.П. Волгина, С.Г. Айвазовой, О.А. Ворониной, Т.Н. Самсоновой, Ю.А. Монаховой и др. [1; 3; 4; 11; 15; 19].

Итак, начнем анализ с произведений представителей утопического коммунизма XVIII в. – Р. Оуэна (1771–1858), А. де Сен-Симона (1760–1825), Ш. Фурье (1772–1837). В их работах традиционная, патриархатная конфигурация положения полов претерпела кардинальные изменения в связи с новой интерпретацией идеи равенства. В работах Оуэна женщинам отводились репродуктивная и производственная функции. Конституция общины «Новая гармония» предполагала «равенство прав для всех совершеннолетних, независимо от пола и положения» [12, с. 276]. Закон 7 нового общества гласил: «Оба пола должны получать одинаковое воспитание, пользоваться одинаковыми правами, привилегиями и личной свободой» [13, с. 228].

Сен-Симон в своей концепции «нового христианства» предлагал преобразовать отношения между полами, рассуждая о том, как «женщина, сначала рабыня или, по крайней мере, в положении, близком к рабству, мало-помалу становится товарищем мужчины и с каждым днем приобретает все большее влияние в социальном строе; как причины, обусловливавшие до сих пор ее подчиненное положение, постепенно ослабевая, должны просто, наконец, исчезнть и унести с собой владычество мужчины, опеку, вечное состояние несовершеннолетия, в котором еще держат женщин и которое было бы несовместимо с будущим общественным строем, предусматриваемым нами» [5, с. 256–257].

В труде Ш. Фурье «Теория четырех движений» выделено 32 периода в земной истории людей, при этом основным признаком каждого периода предлагается считать характер отношений между мужчиной и женщиной [3, с. 21]. «В каждом периоде есть одна характерная особенность, которая... всегда выводится из любви. В четвертом периоде – это абсолютное рабство женщины; в пятом – исключительный брак и гражданские права супруги; в шестом – любовная кооперация», – излагал свою теорию Фурье [16, с. 208–209]. Мыслитель выделял простой и федеративный патриархат [там же, с. 156–157] и критиковал современное общество за «тиранический дух в отношении женщин» [там же, с. 208]: «Бог же признает свободой лишь такую свободу, которая распространяется на оба пола, а не только на один; поэтому он пожелал, чтобы все зачатки социальных ужасов, каковы дикость, варварство, цивилизация, не имели никакого иного стержня, как порабощение женщин, и чтобы все зачатки социального блага, каковы шестой, седьмой, восьмой периоды, не имели иного стержня, иной бусоли, как постепенное возрастающее освобождение слабого пола» [там же, с. 210]. Значение системы Фурье оценил Ф. Энгельс: «Ему первому принадлежит мысль, что в каждом обществе степень эмансипации женщины есть мерило общественной эмансипации» [18, с. 197].

Согласно марксизму, положение женщин в обществе связано с определенной конфигурацией производственных отношений, формой

собственности на средства производства. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1891) Ф. Энгельс (1820–1885) утверждал, что «женщина на низшей ступени развития… занимает весьма почетное положение» [17, с. 53], а «ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола» [там же, с. 60]. Формирование моногамной патриархальной семьи привело к отстранению женщины от участия в общественном производстве, сделало ее служанкой, рабой желаний мужа, простым орудием деторождения [там же, с. 60, 76]. Энгельс полагал, что первой предпосылкой освобождения женщины станет «возвращение всего женского пола к общественному производству» [там же, с. 77].

Классики марксизма настаивали на участии женщин в революционной борьбе рабочего класса: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента. Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе)» [10, с. 486]. Новый коммунистический строй, базирующийся на общей собственности на средства производства, должен был гарантировать женщинам равный статус с мужчинами.

Немецкий социалист А. Бебель (1840–1913) в 1879 г. опубликовал работу «Женщина и социализм», в которой он развил идеи своих предшественников. «Одним из важнейших вопросов, все более выдвигающимся на первый план, является женский вопрос», – писал Бебель, рассматривая его как одну из сторон «общего социального вопроса» [2, с. 39]. По мнению социалиста, женщина – первое человеческое существо, попавшее в рабство: «Женщина сделалась рабой раньше, чем появился раб» [там же, с. 49]. Мыслитель полагал, что женский пол страдает в двойном отношении: вследствие своей зависимости от мужчин и экономической зависимости [там же, с. 43]. Последняя форма зависимости, считал Бебель, характерна и для пролетариата: «Женщин и рабочего объединяет то, что они оба угнетены» [там же, с. 49]. Поэтому в борьбе «за коренное преобразование общества, которое сделает возможным полную экономическую и духовную независимость обоих полов», по мнению мыслителя, должны были сплотиться пролетарии обоих полов [там же, с. 44]. «Освобождение человечества невозможно без социальной независимости и равноправного положения полов», – настаивал Бебель [там же].

В главе «Женщина в будущем» Бебель писал, что в коммунистическом обществе быт будет коллективным, а «женщина нового общества в социальном и экономическом отношении совершенно независима... она сама госпожа своей судьбы, она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют ее желаниям,

способностям и задаткам, и при одинаковых условиях она действует так же, как мужчина» [там же, с. 546]. Таким образом, по Бебелю, полная эмансипация женщины и ее равенство с мужчиной являлись одной из целей социального развития человечества, что было осуществимо с ликвидацией классового господства.

Французский анархист П.Ж. Прудон (1809–1865) отстаивал необходимость существования традиционного моногамного брака, выступая против практик свободной любви, которые он называл «порнократией». «Вне коренного различия свойств мужчины и женщины не может существовать ни брак, ни семья. Без брака и семьи нет общества, нет справедливости: господствует эгоизм, междоусобная война, разбой», – таков его основной тезис [14, с. 280–281]. Прудон ставил вопрос о назначении женщин и мужчин следующим образом: «Если женщина умственно, нравственно и физически равна мужчине, то она также должна быть равна ему в семье, в экономии, в управлении, в суде и на войне, одним словом, во всех общественных и семейных делах» [там же, с. 224–225]. Весь пафос работы анархиста был направлен на доказательство обратного. Прудон полагал, что «природа раздвоила человека на два элемента – силу и красоту», определив, что «мужской пол обладает большей силой; женский проявляет большую красоту и идеальность» [там же, с. 248]. «Женщина – хорошенькое животное», – писал Прудон [там же, с. 315–316]. Он предлагал доказательства того, что «мужчина обладает большей мускульной и нервной силой, чем женщина», а в силу «закона единства личности, закона гармонии и солидарности способностей» ему присуща также бóльшая умственная и моральная сила [там же, с. 285–286].

Неравные от природы, женщины и мужчины, по мнению Прудона, предназначены для разных областей деятельности. «Мужчина превосходит женщину в труде и общественной жизни; достоинства женщины заключаются в браке и в исполнении налагаемых им обязанностей», – считал Прудон [там же, с. 274–275]. «Будьте *хозяйками,* и больше от вас ничего не потребуется», – обращался он к женщинам [там же, с. 278–279.]. Вне семьи, с точки зрения Прудона, женщина утрачивает свое назначение: «Роль женщины – *кормилица и родильница»* [там же, с. 282–283]. Он называл женщину «питомкой», потому что она «вечно должна находиться под опекой отца, брата, дяди, мужа, даже любовника» [там же, с. 278–279]. По Прудону, в рамках семьи власть безраздельно принадлежала мужчине, ибо «сердце мужчины должно быть переполнено желаниями быть властелином дома; иначе его не существует» [там же, с. 280–281], «мужчина в семье – правитель, женщина – жрица и идол» [там же, с. 293–294]. Поскольку «женщина сотворена для семьи и чувствует весьма мало влечения к общественным делам», то она представляла собой

«прекрасный пример эгоизма» и не была способна сделать что-либо для общественного блага. Из всех социальных ролей Прудон признавал за женщинами только сферу воспитания: «Женщина, по самому свойству своего ума, будучи поставлена между мужем и детьми, должна быть живым рефлектором, имеющим целью давать образ, упрощать и делать более понятными идеи мужа для передачи их детям» [14, с. 254–255].

Претензии женщин на равенство в обществе Прудон категорически отвергал. Мыслитель считал, что сам факт присутствия женщин в публичной сфере может негативно сказаться на властных отношениях в семье: «Женщина, громко держащая речь в обществе, вряд ли согласится понизить голос в семье» [там же, с. 254–255]. Философ полагал, что подача голоса женщины в народном собрании против мнения своего мужа является первой ступенью к семейному раздору и разводу и унижает достоинство мужчины [там же, с. 244–245]. «Отношение семьи к государству, одним словом, respublica – вот задача для решения мужскому полу. Женщины принимают в нем весьма слабое участие, только лишь косвенным и тайным образом», – такова позиция Прудона [там же, с. 244–245].

Вопрос об уравнении полов, по Прудону, появился «во времена общего расслабления, истощения», а потому может рассматриваться как проявление кризиса французского общества. «Мужчина, подражающий женщине, становится мерзким, негодным и нечистым. Женщина, подражающая мужчине, становится уродливой, сумасшедшей, мартышкой», – писал он [там же, с. 274–275]. Тему мизогинизма, столь ярко выписанную Прудоном, подхватили известные европейские общественные мыслители XIX – начала XX в. – А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, О. Вейнингер.

Таким образом, в двух направлениях политико-философских доктрин, основанных на социальном равенстве, – коммунизме и анархизме, взгляды на назначение женского пола существенно различаются. В рамках коммунизма, в том числе утопического, женщина является полноценным субъектом социально-политического строя, участником различных общественных отношений – экономических, политических, духовных. Наиболее важной в доктринах коммунистического толка представляется идея о том, что положение женщины может быть показателем прогрессивности общества. На данный момент эта идея Фурье инструментализирована ООН как индикатор гендерного равенства.

Напротив, идеи Прудона являются компендиумом мизогинистических установок, нивелирующих женскую личность. В его анархистском обществе социальное равенство не предполагает включение женщин в круг субъектов, наделенных равными с мужчинами правами. Вопрос, является ли данная идея общей для всех анархистских мыслителей, требует дополнительного анализа. Думается, что предложенная Прудоном

доктрина, в своей основе утопическая, не имеет шансов на воплощение, поскольку игнорирует социальную базу в лице женщин. В то же время мыслители коммунистического толка увидели потенциал в использовании женского сегмента в строительстве нового общества, что способствовало применению коммунистических идей на практике.

Библиографический список

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. Бебель А. Женщина и социализм. М.: Главное изд-во политической литературы, 1959. 592 с.
3. Волгин В.П. Система Фурье // Фурье Ш. Избранные произведения: в 4 т. / под. общ. ред. В.П. Волгина. Т. 1. М.–Л.: АН СССР, 1951. С. 5–79.
4. Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9–20.
5. Изложение учения Сен-Симона / под ред. и с комм. Э.А. Желубовского. М.–Л.: АН СССР, 1960. 598 с.
6. Козлова Н.Н. Интерпретация природы пола в европейской общественно-политической мысли Нового времени и Просвещения // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 10–17.
7. Козлова Н.Н. Сравнительный анализ подходов к изучению природы и социального назначения женщин и мужчин в классической политической науке (Античность) // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 28–32.
8. Козлова Н.Н. Трактовки природы пола и социального назначения женщин и мужчин в общественно-политической мысли Средневековья // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 28–33.
9. Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Гендерные аспекты российской социально-политической философии // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 6–12.
10. Маркс – Людвигу Кугельману (12 декабря 1868 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 32. М.: Главное изд-во политической литературы, 1964. С. 486.
11. Монахова Ю.А. Трактовки равенства полов в политико-философском дискурсе (статья 1) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3. С. 101–111.
12. Оуэн Р. Избранные сочинения / под. общ ред. В.П. Волгина. М.–Л.: АН СССР, 1950. В 2 т. Т. 1. 415 с.
13. Оуэн Р. Избранные сочинения / под. общ ред. В.П. Волгина. М.–Л.: АН СССР, 1950. В 2 т. Т. 2. 352 с.
14. Прудон П.Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998. 370 с.
15. Самсонова Т.Н. Разработка проблем равенства в утопическом коммунизме XVIII в. // Вестник Московского университета. 2003. Серия 18: Социология и политология. № 4. С. 100–120.

16. Фурье Ш. Избранные произведения / под. общ ред. В.П. Волгина. В 4 т. Т. 1. М.–Л.: АН СССР, 1951. Т. 1. 428 с.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 21. М.: Главное изд-во политической литературы, 1961. С. 23–277.
18. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 т. Т. 19. М.: Главное изд-во политической литературы, 1961. С. 185–230.
19. Okin S. Women in Western Political Thought. N.J.: Princeton university press; 1992. 413 p.

INTERPRETATIONS OF THE NATURE OF GENDER IN THE POLITICAL AND PHILOSOPHICAL DOCTRINES OF COMMUNISM AND ANARCHISM OF THE LATE XVIII–MID-XIX CENTURIES

N.N. Kozlova*, S.V. Rassadin**

*Tver State University, Tver
**Tver State Technical University, Tver

Interpretations of the social purpose of women and men in the political and philosophical doctrines of the left spectrum-communism and anarchism of the late XVIII – mid–XIX centuries are considered. The authors conclude that in these doctrines based on social equality, views on the appointment of women differ significantly. Within the framework of the Communist concept, a woman is a full-fledged subject of the socio-political system, her position in society is a criterion of progress. Communist thinkers saw the potential in using the female segment in building a new society, which contributed to the implementation of Communist ideas in practice. On the contrary, the ideas of the anarchist Proudhon are a compendium of misogynistic attitudes. The thinker excludes women from the circle of equal subjects, which significantly narrows the social base of the society he has theoretically constructed.
***Keywords**: anarchism, communism, femininity, masculinity, misogynism, gender, politics, society.*

Об авторах:

Козлова Наталия Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: tver-rapn@mail.ru

Рассадин Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru

Kozlova Nataliya Nikolaevna – PhD (Historical Sciences), Ass. Professor, Head of Political Science Department of Tver State University, Tver. E-mail: tver-rapn@mail.ru

Rassadin Sergey Valentinovich – PhD (Philosophy), Ass. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 12–17

УДК 17.177

ОБ ОТЧУЖДЕНИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Д.А. Цуркан

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Цуркан Д.А., 2020

Статья посвящена философскому осмыслению новейших социально-исторических форм отчуждения – праздности (досуга, свободного времени) и гедонизма. Цифровое принуждение становится рискогеннным фактором проблемы отчуждения.

Ключевые слова: *цифровые технологии, отчуждение, праздность (досуг, свободное время), гедонизм, риски.*

Цифровой мир и общество риска – маркеры и эпохальные явления XXI в. Согласно У. Беку, общество риска – новая ступень общества модерна, где производство рисков превосходит производство богатства, характерного для индустриального общества [3]. Под цифровой эпохой риска нами понимается такой способ социально ориентированного бытия, который ориентирован на восхождение к усложняющимся рискам и технологическому принуждению, подмену «реальной» социальной реальности ее цифровыми форматами. Масштабы цифровизации современного мира и общества, а также бесконтрольность распространения цифровых технологий вызывают обеспокоенность. Примером служит проблема отчуждения, которая эволюционирует в новых исторических формах. В широком смысле отчуждение – это «объективный социальный процесс превращения как деятельности человека, так и ее продуктов в самостоятельную, довлеющую над ним, враждебную ему силу» [11, с. 146]. В социальной философии отчуждение описывается и объясняется как «парадоксальность человеческого бытия, процессы и ситуации, в которых человек становится чужд своей собственной деятельности, ее условиям, средствам, результатам и самому себе» [12, с. 293].

Новой социально-исторической формой отчуждения в цифровую эпоху общества риска предстает праздность (свободное время, досуг) [9]. Коннотации праздности указывают в основном на ее разрушительность для личности и человека.

Классическая версия изучения праздного класса – сословия американского общества 1890-х гг. – восходит к теории Т. Веблена. Предпосылкой формирования праздного класса социолог считает институт частной собственности как прообраз ранней варварской культуры – завистническое соперничество и демонстративный уход от производительной деятельности. Он концептуализирует праздный класс по таким критериям, как наличие избыточного свободного времени, определенные

типы досуга, демонстративное потребление продукта производительного труда, социально-экономическая состоятельность, следование нормам и стереотипам «престижного» образа жизни. Веблен выделил признаки общества потребления, где степень или уровень благосостояния членов социальной группы соотносились с заданной стратегией поведения. Так, социально-экономическому поведению класса собственников соответствовало потребление результатов материального труда, что считалось нормой благопристойности. Высший состав общества потребления должен был избегать таких занятий, которые могли нанести урон репутации. Например, недостойным признавалось увеличение достатка через производительный труд. Высокий уровень престижного потребления свидетельствовал о высоком социальном статусе и приверженности ценностям собственнической культуры. Поведение праздного класса имело мотивационное или «генеалогическое» объяснение и определяло социальные привычки. Особенность логики становления праздного класса состоит в том, что ему предписывались стратегии поведения, связанные с потреблением результатов труда [8].

Сегодня в социологическом дискурсе вебленовская концепция праздности вытесняется новыми формами праздной культуры, такими как шопинг, музыкальные фестивали и т.п. [1; 4; 5; 15; 16; 19; 21]. В социальных науках отказ от традиционного понимания праздности и признание новых форм праздного времяпрепровождения, как считает Н. Лебедева, вызваны тремя экзогенными факторами: «преобразованием темпоральной структуры работы и отдыха в результате масштабного распространения цифровых технологий; размыванием границ между рабочей и досуговой зонами; трансформацией ресурсов хозяйственных взаимодействий и системы конвертации различных типов капиталов на рынке труда» [13, с. 27]. Речь идет о том, что цифровыми, технологическими формами взаимодействия сегодня опосредованы новые версии или модели трудовых отношений, что позволяет регулировать требования к производственному процессу компаний. Амбивалентность этих моделей заключается в том, что они предстают и как новые перспективы развития бизнеса, и как ограничения, касающиеся образа жизни сотрудников, включая способы распределения и использования свободного времени.

Размывание временных границ труда и отдыха становится причиной модификации традиционного режима работы. Например, в крупных бизнес-холдингах введен принцип «24/7», предполагающий удаленность сотрудников от местоположения фирмы и дистанционное выполнение ими своих должностных обязанностей [20].

Социальные сети, блоги, электронные способы отчетности, удаленная работа через Интернет инициировали появление новых форм времяпрепровождения как сочетания сфер труда и досуга и оказались источниками фрагментации повседневной активности: «Сегодня рутинная деятельность горожанина, погруженного в медиасреду, складывается из чередующихся цикличных эпизодов работы и отдыха, различение которых становится все более проблематичным за счет “ощущения одновременности” происходящего, устранения темпоральных разрывов и иерархий, инструментального объединения “пространств” и “периодов” досуга и работы в единой цифровой среде (смартфон позволяет одновременно отвечать на рабочие письма и, например, потреблять игровой контент)» [13, с. 40].

Цифровое принуждение привнесло свою неопределенность и дискуссионность в логическую и содержательную соотнесенность взаимополагаемых концептов «праздности», «досуга», «свободного времени» [7]. Эти концепты могут быть согласованы следующим образом: «Праздность – это недеятельность, не апроприированная другими. Досуг же – это уже занятая незанятость, освоенная, скажем коротко, “индустриями досуга”. “Индустрия праздности” – выражение невозможное. Нет ли здесь проблемы? Думаю, есть. Тенденция делать досуг производительным столь выражена, столь инвестирована индустриями, что самим индивидом праздность воспринимается как нехватка и он спешит обменять ее на тот или иной досуг» [7, с. 1–2].

Следует согласиться с тем, что цифровое принуждение инициировало темпоральное принуждение, которое изменяет тип социального времени как интенсивного взаимопроникновения рабочего и свободного времени. Это влечет проблему наполнения свободного времени, которое одобряется или не одобряется обществом. Если степень свободы в важности выбора досуга превышает степень свободы при выборе работы, то возникает законный вопрос: какими будут новые формы принуждения или отчуждения?

Образы праздности, досугового, свободного времени используются сегодня, чтобы создать видимость преодоления отчужденного труда. Это дает возможность дальнейшей, более эффективной эксплуатации работника, который занят непрерывной «самореализацией». Праздность, досуг, свободное время фетишизируются и становятся способом продуктивного использования всех жизненных сил человека на основе различных сценариев мнимого наслаждения досугом.

Гедонизм – составляющая праздности как социально-исторической формы отчуждения. Новейшие цифровые технологии продуцируют патологическое стремление к наслаждениям, что подтверждается выбором ценностей, ориентированных на бесконечное потребление. Гедонизм –

проблема личностного уровня анализа. Гедонистическая персонализация подавляет нормы социализованности, традиционные консервативные ценности общего блага, патриотизма, гражданственности, семейственности и т. д. Личностное бытие гедонизма обнаруживает себя как себя как подделка, фальшивка, имитация и т. д. Гедонизм как социальный и личностный феномен имеет свою историю, социокультурный контекст, психологическую причиненность. Сегодня гедонизм также заявляет себя как расстройство желаний или невозможность реализации желаемого, влекущее общее состояние неудовлетворенности, как экзистенциальное чувство невостребованности. В онтологическом плане явление гедонизма – это культивирование удовольствий, включая наслаждение жизнью в призме ориентированности на себя, интенциональная заточенность на максимальный комфорт, что нарушает закон «вечно сущего» – принцип мерной напряженности.

Клинические психологи В.А. Емелин и А.Ш. Тхостов рассматривают гедонизм как патологическую форму конфигуративной идентичности, где социальные идентификации подавляют самоидентичность человека. Учитывая, что самоидентичность есть фрагмент самости, автономии, личностного статуса человека, то ее «недостаточность» или несостоятельность говорит о психологической незрелости человека, который еще не готов принять на себя ответственность, либо свидетельствует о расстройстве или патологии его социализации. В случае конфигуративной идентичности человек лишается волевой или произвольной регуляции и отказа от сиюминутных удовольствий ради достижения перспективных целей [10, с. 119].

В начале XXI в. гедонизм «набирает обороты» за счет новейших цифровых технологий. Наблюдается патологическое стремление к наслаждениям, что подтверждается выбором ценностей, ориентированных на бесконечное потребление [2; 5; 6; 14]. Расцветает гедонистическая мораль, где удовольствие рассматривается как высшее благо. «Сущее и должное» совпадают как максимизация эгоцентризма и нарциссических установок. Гедонистическая персонализация подавляет нормы социализованности, традиционные консервативные ценности общего блага, патриотизма, гражданственности, семейственности и т. д.

Здоровая критика гедонизма обращает внимание и на оправдательные аргументы гедонизма в контексте психологии личности [22].

Соглашаясь с принципом «пластичного гедонизма», в физиологическом аспекте мозг человека «оправдывает» гедонизм, использует кратковременные успехи (периоды повышенного настроения) для достижения долговременного благополучия. Это можно интерпретировать как особые компромиссы между кратковременным счастьем и долговременным благополучием, преодоление которых может быть критически важным для

личного благосостояния человека и выживания его как вида. Например, известный отечественный математик и психолог В.А. Петровский рассматривает достижение субъективного благополучия как поведенческую цель гедониста. При этом под субъективным благополучием понимается «итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели таков результат импликации: Субъективное благополучие = Влечение Предвосхищение = (1 Влечение) + Влечение Предвосхищение = Самоконтроль + Предвкушение» [17, с. 88]. Субъективное благополучие мыслится как самый высокий уровень удовлетворенности жизнью [18, с. 337]. Эту точку зрения разделяют психологи, которые под благополучием понимают позитивные чувства, эмоции, черты характера, положительную оценку жизни, что сопоставимо с феноменом счастья. Если продолжить эту последовательность, то возникает эффект психологического самоутверждения как принятие себя, личностный рост, конструктивные отношения с другими, автономия и личностный контроль над собой и окружающими.

В итоге краткая зарисовка проблемы отчуждения в ее новейшей социально-исторической форме праздности (досуга, свободного времени) и гедонизма в цифровую эпоху общества риска демонстрирует ее онтологическую, содержательную неоднозначность, гносеологическую многомерность, множественность коннотирования, методологическую открытость.

Библиографический список

1. Арора П. Фабрика досуга: производство в цифровой век // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 88–119.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн: М: AD Marginem, 2000. 319 с.
6. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. 448 с.
7. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 1–26.
8. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
9. Давыдов Д.А. Личность, свобода творчества и отчуждение // Человек. 2019. Т. 30. № 1. С. 45–65. DOI: 10.31857/ S023620070003021-0.
10. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115–126.
11. Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Проспект. 2019. 480 с.
12. Кемеров В.Е. Отчуждение // Социальная философия: словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. М.: Академический Проект, 2003. С. 293.

13. Лебедева Н. Почему выдохлась критика праздного класса? Реалии фактические и дискуссионные // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 27–52.
14. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
15. Маяцкий М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. Т. 25. № 3. С. 72–87.
16. Новак М.В. Праздные субкультуры общества потребления // Наука. Искусство. Культура. 2016. Т. 11. № 3. С. 115–120.
17. Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 1. С. 77–100.
18. Селигман М. Новая позитивная психология. М.: София, 2006. 368 с.
19. Mohr K.L. Dancing Through Transformational Music Festivals: Playing with Leisure and Art. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Recreation and Leisure Studies. Edmonton: University of Alberta, 2017. 134 p.
20. Susca M.A. Why We Still Fight: Adolescents, America's Army and the Government-Gaming Nexus // Global Media Journal. 2012. V. 20. № 12. P. 1–16.
21. Timothy J.D. Shopping Tourism, Retailing and Leisure. Clevedon, Buffalo, NY: Channel View Publications, 2005. 222 p.
22. Taqueta M., Quoidbachb J., Montjoyec Y.-A. de, Desseillesf M., Gross J.J. Hedonism and the choice of everyday activities. URL: http://www.pnas.org/content/113/35/9769 (дата обращения: 22.11.2019).

ABOUT ALIENING IN THE DIGITAL SOCIETY

D.A. Tsurcan

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the philosophical comprehension of the latest socio-historical forms of alienation – holiness (leisure, free time) and hedonism. Digital coercion is becoming a risk factor in the problem of alienation.

Keywords: *digital technologies, alienation, idleness (leisure, free time), hedonism, risks.*

Об авторе:

Цуркан Денис Александрович – аспирант кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Tsurkan Denis Aleksandrovich – PhD Student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 18–26

УДК 1:80:81’255.2: 82-1:159.9

СИМБИОЗ ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА И ПСИХОЛОГИЗМА ЛИТЕРАТУРНЫХ ОБРАЗОВ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ

О.А. Егорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Егорова О.А., 2020

Статья посвящена раскрытию философского подтекста и психологизма литературных образов в прозе Эрнеста Хемингуэя. В частности, рассмотрены основные характеристики философии экзистенциализма и посредством сравнительного, а также лексико-семантического анализа исследована соразмерность отражения данных характеристик в романе Э. Хемингуэя «Фиеста». Сопоставление поведенческих характеристик литературных образов в данном романе продемонстрировало то, что индивидуумы, подобные Джейкобу Барнсу, сумели преодолеть внутреннее крушение иллюзий, полагаясь лишь на собственную интуицию и выбор, что соизмеримо с постулатами экзистенциальной философии о значимости личной ответственности человека в условиях враждебного мира. Более того, образ испанской фиесты, правдиво воссозданный посредством имплементации автором частично ассимилированных испанских заимствований, представлен не только как праздник жизни, но и как потенциальная возможность смерти в ходе боя быков, что коррелирует с тезисами философии экзистенциализма, рассматривающей человека во время пограничных состояний борьбы, страданий и смерти.

***Ключевые слова**: экзистенциализм, конформизм, трансцендирование, психологизм, философский подтекст, фрагментарность, заимствования.*

В первой половине XX в. во многих западноевропейских странах получила широкое распространение философия экзистенциализма, отразившая философские и эстетические вкусы не только аристократической элиты, но и рядовых образованных представителей населения. В период между двух мировых войн данная философия активно привлекала тех, кто пытался вырваться из обыденности заштампованных точек зрения и стандартов, тем самым формируя концепты своеобразного послевоенного конформизма, отражавшего усталость человечества от военных действий, нарастания фашизма и усиления бюрократической системы.

Более того, по мнению ряда современных исследователей, в этом философском течении наблюдалось сращение философских понятий с категориями из других областей жизни – духовной, культурной и религиозной. Основные составляющие экзистенциализма подразумевали не только бытовое человеческое существование, но и формирование в

подобных условиях отдельных личностных судеб, поиском смысла жизни, всего, что представляет интерес для творца художественного образа.

В отличие от других философских течений того времени, в частности методологизма и гносеологизма, экзистенциализм стремился создать учение о бытии, понимаемом как нечто непосредственно раскрываемое во время пограничных человеческих состояний борьбы, страданий и смерти. Согласно экзистенциализму бытие не является ни эмпирической реалией, ни рациональной конструкцией, ибо представляет собой слитность субъекта и объекта. При этом сутью экзистенциализма становится эмоциональное осознание субъектом своего бытия в человеческом сообществе. В ходе дескрипции структуры экзистенции некоторые приверженцы экзистенциализма обращаются к феноменологическому методу Э. Гуссерля, детерминируя интенциональность человеческого сознания. Как следствие, экзистенция приобретает открытую структуру, направленную вовне, что и становится ее центром притяжения.

Другая существенная характеристика экзистенции – трансцендирование, то есть выход за пределы человеческих возможностей. При этом сам акт трансцендирования воспринимаются различными представителями экзистенциализма по-разному. Например, в контексте религиозного экзистенциализма именно Бог символизирует трансцендентное, тогда как по мнению Ж.-П. Сартра и А. Камю трансценденция эквивалентна понятию «ничто», воспринимаемому в качестве глубочайшей тайны экзистенции. К. Ясперс, Г. Марсель и поздний М. Хайдеггер подчеркивают символизм трансцендентного, которое невозможно постичь рациональным мышлением. Между тем в работах Сартра и Камю представлены суждения в пользу иллюзорности трансценденции, причем эти философы придают своим выводам критический и отчасти нигилистический подтекст. В целом, будучи порождением техногенной эпохи, философское течение экзистенциализма обусловливает существование человека в ситуации абсурда, ибо общественные отношения сковывают индивидуума и его реальное существование постоянно сопрягается с восполнением нехватки бытия, воплощаемой в человеке. Более того, по мнению Сартра, «человеческая реальность есть недостаток» [3, с. 119]. Подобная недостаточность воплощает сознание как ничто, которое стремится быть полным и целым. Как следствие, человек становится основой «ничто», а его сознание – отражением самого себя, поиском внутренней сущности.

Один из ярких представителей данного течения, М. Хайдеггер, предлагает рассматривать структуру экзистенции как совокупность определенных модусов или свойств человеческого бытия. Подобные модусы экзистенции подразумевают страх и решительность, заботу и совестливость, раскрываемые посредством смерти, и представляют разнородные ипостаси соприкосновения с «ничто» – ключевым концептом

данной философии. В знаменитой работе «Исток художественного творения» Хайдеггер утверждает, что истина нередко воплощается в искусстве, реализуя себя в творениях. Он также поднимает проблему ценностного существования художественных творений, предлагая при этом три возможных варианта понимания вещи: вещь рассматривается как носитель свойств, как единство разнообразных ощущений, а также как единство формы и вещества. Философ утверждает, что «творение, восставляя мир и составляя землю, ведет спор за несокрытость сущего в целом, за истину» [4, с. 167]. По мнению же русского представителя экзистенциализма Н.А. Бердяева, философскому стилю которого свойственна лаконичность и интуитивность, экзистенция подразумевает духовную искушенность человека, в которой и обнажает себя внутренняя свобода, свобода творить и созидать. В своей работе «Самопознание» он подчеркивает, что именно творчество обязано разорвать оковы объективации, чтобы войти в мир экзистенциальной субъективности и духовности. Бердяев отмечает, что «творческий акт есть наступление конца этого мира, начало иного мира…» [1, с. 219–220].

Возвращаясь к творчеству ярких представителей художественного слова первой половины XX в., рассмотрим литературные образы знаменитого романа Эрнеста Хемингуэя 1926 г. «Фиеста» и путем компаративного и лексико-семантического анализа выделим переплетение экзистенциональных философских и психологических подтекстов в данном произведении. Лейтмотивом данного произведения становится проблема духовной стойкости индивидуума, что во многом коррелирует с постулатами экзистенциального философского направления.

Общеизвестно, что экзистенциализм стал реакцией не только на позитивистскую философию О. Конта и рационализм эпохи Просвещения в немецкой философии, но прежде всего на политические и экономические катаклизмы начала XX в. Герои «Фиесты» и более поздних произведений Хемингуэя формируются в подобных исторических условиях, находясь в состоянии перманентного единоборства с враждебным внешним миром. Примечательно, что в творчестве Э. Хемингуэя велика значимость конкретно-исторического и социального плана, который был тщательно исследован отечественными и зарубежными литературоведами. Наделяя своих персонажей экзистенциональными чертами, Э. Хемингуэй, однако, не стремится объективировать данную философию и стать ее глашатаем, как происходит в некоторых произведениях Жан-Поля Сартра, в частности его романе «Тошнота» и сборнике рассказов «Стена», а также в повести Альбера Камю «Посторонний», ставшей классической зарисовкой идей экзистенциализма. Напротив, данные философские подтексты мы эксплицируем в работах Хемингуэя лишь опосредованно, через характеристики его литературных образов.

Один из ярких персонажей романа «Фиеста», Джейкоб Барнс, молодой ветеран Первой мировой войны, опустошенный и отчужденный «непонимающим» социальным окружением, бесцельно растрачивает свое свободное время в ресторанах и кафе, дабы завуалировать свою ненужность. Начальная строка данного произведения, ставшая его эпиграфом («You are all a lost generation» [7, p. 1]), наглядно характеризует подобных индивидуумов как «потерянное поколение», что подчеркивает нарушение конгруэнтности с довоенными «пуританскими» ценностями и бытовыми понятиями о жизни нормального человека. Впоследствии идиома «lost generation», или «потерянное поколение», превратилась в термин, применяемый как в отношении бывших фронтовиков, не сумевших вернуться к обычной жизни и потому нередко завершавших свою жизнь суицидом, так и писателей, чьи персонажи демонстрировали самоочевидную индивидуалистическую неудовлетворенность жизнью и скептицизм относительно любой военной идеологии.

Несмотря на серьезное военное увечье, повлекшее физические страдания и импотенцию, образ Джейкоба Барнса на протяжении всего повествования озарен платонической влюбленностью в Бретт Эшли, «la femme fatale» данного романа. В условиях экстремального физического и психологического напряжения и потери четких нравственных ориентиров данный персонаж выделяется ярко выраженным индивидуализмом и принятием решений лишь на основе собственной интуиции и совести. Подобная трактовка образа, несомненно, подразумевает и философский подтекст экзистенциализма, для которого характерен отказ от коллективного решения сложных проблем. Ощущая иллюзорность и бессмысленность технологического прогресса, экзистенциалисты подчеркивали, что человек стихийно захвачен историей, а не конституирован ею. На основании подобных предпосылок для данного философского направления проблема личностного выбора и ответственности человека перед самим собой приобретала особую значимость.

Утратив веру в романтические представления о жизни, Барнс смотрит на окружающее как на нечто «очищенное» и простое, лишенное особого смысла. В этом проявилось влияние имажизма на Хемингуэя. В предисловии к книге «Антология имажизма» ее составитель Анатолий Кудрявицкий писал, что «…поэты-имажисты боролись за обновление поэтического языка… и обогатили литературу новыми поэтическими формами» [2]. Общеизвестно, что не только Гертруда Стайн, но и Эзра Паунд, один из влиятельных представителей американского имажизма, поэзия которого была пропитана «чистыми образами», стали духовными наставниками Э. Хемингуэя. Ввиду этого стремление Барнса сохранить тягу к экзистенции, предполагающей в его случае повторение состояний грусти и уныния, а также отчуждения в противовес господству нигилизма,

является вполне закономерным и оправданным с точки зрения автора как приверженца имажизма. Наконец, Джейкоб Барнс обретает новый смысл экзистенции в традиционном испанском карнавале фиесты. Праздник фиесты с традиционной корридой раскрывает смысл жизни индивидуума в экстремальных ситуациях, на грани смертельного исхода, когда участвующие в боях матадоры, такие как представленный в романе молодой красавец Педро Ромеро, не боятся заглянуть в лицо смерти и хаоса, в пучину абсурдности бытового трагизма. Как подтверждение приведем следующие строки из романа: «В бое быков различают территорию быка и территорию матадора… Каждый раз, как матадор вступает на территорию быка, ему угрожает смерть» [5, с. 47]. Возможные летальные последствия данного праздника, окутанного искусственной красочностью и феерией, предвещаются и в последующих строках романа: «Из цирка доносились крики. Каждый крик означал, что бык кинулся на толпу. По силе крика можно было определить, насколько страшно то, что там происходит» [5, с. 43]. Таким образом, карнавал фиесты символизирует как праздник жизни, так и трагедию одновременно.

Перешагнув границы времени, данное произведение Э. Хемингуэя примечательно также и психологическими хитросплетениями сюжетных и образных линий повествования. В репрезентации духовной составляющей своих персонажей автор «Фиесты» отчетливо антипсихологичен. Ведь почти у всех персонажей этого романа отсутствуют описания их прошлого и будущего, все сюжетные коллизии романа представлены фрагментарно, в рамках отдельных эпизодов, при этом отсутствует причинно-следственная связь описанных событий. Используя прием «айсберга», Хемингуэй переводит своих героев на общение посредством намеков, тем самым нарушая целостность повествования и заставляя читателей додумывать скрытые смысловые коннотации. Подобный подход автора способствует раскрытию образа «потерянного» человека, искалеченного войной, существование которого напоминает скорее фантом, нежели реальную жизнь.

Более того, важной составляющей любого психологического произведения прошлого века, как правило, становилась биография определенного романтически окрашенного персонажа с богатым внутренним миром, вовлеченного в последовательность логически взаимосвязанных эпизодов, раскрываемых автором. Мы можем предположить, что таким персонажем в данном романе мог бы считаться Роберт Кон, выпускник Принстона. Однако последующие события романа раскрывают данный образ в таких ракурсах, что он ассоциируется не только с опровержением романтизма, но и с общей фиктивностью психологического героя в прозе того времени. Ни Джейкоб Барнс, ни Роберт Кон не стремятся концептуализировать мир и постичь его дух и сущность. К тому же

Хемингуэй представляет Кона в сюжетной парадигме романа как индивида, стремящегося любыми способами закрепить свое «я» во враждебном мире. Такая мотивация отражается в юношеском увлечении Кона боксом. Хотя этот вид спорта был малоинтересен Кону, тот усердно обучался боксировать, чтобы избавиться от чувства неполноценности, которое он испытывал в Принстоне, где к нему, как еврею, иногда относились свысока.

Примечательно, что окружение Кона в Принстоне мало интересовалось его существованием, поэтому было к нему не враждебно, а равнодушно: «Никто из однокурсников не помнил его. Они даже не помнили, что он был чемпионом бокса в среднем весе» [5, с. 1]. Кон же ложно интерпретировал реалии собственного существования и привнес в него враждебность, которой не было. Становясь предметом авторского ироничного восприятия, данный персонаж постепенно погружается в суету и подчиняет себя пустейшим целям, попадая в зависимость от ложных стереотипов и утрачивая свою индивидуальность. В качестве настольной книги Кон выбирает роман У.Х. Хадзона «Пурпуровая страна». Выступая в роли повествователя, Джейкоб Барнс делает следующие замечания об этом литературном увлечении: «Cohn, I believe, took every word of “The Purple Land” as literally as though it had been an *R.G. Dun report»* [7, p. 9]. Здесь имеется в виду финансовая компания R.G. Dun & Company, предоставляющая широкий спектр финансовых услуг (она по сей день существует в штате Нью-Джерси под названием D&B). В русскоязычном переводе («Я уверен, что Кон принял каждое слово “Пурпуровой страны” так же буквально, как если бы это был *“Финансовый бюллетень”*» [5, с. 2]). Финансовая информация редуцирована до обобщенного термина «фи-нансовый отчет», что гипотетически лишает читателей возможности выстроить дополнительные смысловые ассоциации относительно реалий страны, упомянутой в оригинале, и, возможно, упрощает понимание психологических коннотаций. Фрагментарность повествования, с загадочными аллюзиями и намеками, характерна для Эрнеста Хемингуэя, что, несомненно, способствовало большей рельефности представленных автором литературных образов.

Как следствие увлечения романтической прозой, Роберт Кон загорается страстным желанием отправиться в экзотический мир далекой Испании. Опровергая ожидания читателей узнать о дальнейшей судьбе Кона, Хемингуэй мастерски отодвигает данный образ на второй план. Имитируя французских литераторов авангарда, Хемингуэй начинает депсихологизировать своих персонажей. Эмоциональные переживания героев сменяются вовлеченностью в реалии внешнего мира, а именно, карнавала испанской фиесты. Для усиления эмоционального воздействия на читателя и погружения в национальный колорит испанского карнавала

автор широко имплементирует ассимилированные заимствования из испанского языка, часто не сопровождая эти вкрапления авторскими ссылками или последующим переводом. Приведем следующий пример: «На одном ларьке была реклама анисовой водки. Жаркое солнце освещало полотнище с надписью "*Anis del Toro*", висевшее на деревянных досках» [5, с. 33]. Приблизительный смысл испанского названия понятен из предшествующих предложений автора, а вот дословный перевод *«Анис / бадьян бычий»* остается в качестве испанской реалии лишь в воображении испаноговорящих читателей. Подобные примеры частично ассимилированных заимствований и аллюзий весьма многочисленны в сюжете романа: достаточно вспомнить эпизод в часовне Сан Фермин, дорожное путешествие в Памплону, а также упоминание разнообразных встреч в испанских кафе. Например, в диалоге Джейкоба с испанским официантом звучит такая реплика: «Что-нибудь случилось во время *encierro*?» [5, с. 43], и по ответной реплике Джейкоба Барнса о том, что кто-то в толпе был ранен быком, читатель может домыслить, что существительное «*encierro*» означает «прогон быков» [6]. Таким лаконичным приемом дозирования частично ассимилированных испанских вкраплений Э. Хемингуэй подчеркивает близость реальности своей прозы с реальностью испанской жизни, заставляя читателей психологически прочувствовать атмосферу незнакомой страны, глубже проникая в скрытые коннотации текста, испанского темперамента, а также преодолеть «языковой барьер» посредством различных ассоциаций.

«Человеку интеллекта», погруженному в сложные логические модели, Хемингуэй противопоставляет «человека зрения». Основной повествователь романа, Джейкоб Барнс, скорее наблюдает явления, нежели их осмысливает. И пока Кон воображает между собой и окружением могучую психологическую преграду в виде несостоятельных и напыщенных рассуждений, Барнс вовлечен в происходящего вокруг него реалии. Такая необычная структура романа подразумевает нарочитое размывание автором каузальности произведения.

Необычность художественной стратегии Хемингуэя с фрагментарностью изложения, исчезновением панорамы и перспективы оказала значительное влияние на последующую литературу XX в. – Дж. Сэлинджера, Дж. Апдайка, К. Воннегута, произведения которых окрашены особым трагическим мировосприятием, столь характерным для философии экзистенциализма.

Сравнительный анализ поведенческих характеристик литературных образов в романе продемонстрировал то, что индивидуумы, подобные Джейкобу Барнсу, сумели преодолеть крушение иллюзий и начали полагаться лишь на собственную интуицию и выбор. Подобное поведение

весьма характерно для философии экзистенциализма, рассматривающей человеческую свободу как продукт социальной необходимости, сформировавшийся в ходе самостоятельного существования индивидуума. Одним из способов самоидентификации для персонажей романа послужил испанский карнавал фиесты, как символ перелома, неизбежности смерти и воскресения в новом качестве. Лексико-семантический анализ иноязычных заимствований выявил преобладание частично ассимилированных испанских заимствований, послуживших дополнительным инструментом аугментации психологического воздействия героев романа на читателей. Образ фиесты, воссозданный в национальном колорите, отчасти посредством ассимилированных испанизмов, олицетворяет собой не только праздник, но и потенциальную возможность гибели во время боя быков, щедрых пирушек и эмоциональных выяснений личностных отношений. Подобные корреляции соизмеримы с постулатами экзистенциальной философии о значимости человеческих пограничных состояний для постижения сути человеческого бытия. Более того, вопросы, поставленные перед героями романа (в частности, проблема личной ответственности человека в условиях жесткого и непредсказуемого мира), актуальны не только для экзистенциальных философов прошлого, но и по сей день.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: АСТ, 2017. 480 с.
2. Кудрявицкий А.И. Антология имажизма. М.: Прогресс, 2001. 388 с.
3. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 526 с.
5. Хемингуэй Э. Фиеста. URL: http:// https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/78979-ernest-heminguey-fiesta.html#book (дата обращения: 20.12.2019).
6. Электронный словарь Мультитран. URL: https: //www.multitran.ru/c/m.exe?a= DownloadFile (дата обращения: 25.12.2019).
7. Hemingway E. The sun also rises. URL: https: //archive.org/stream/ sun_also_rises/ sun_also_rises_djvu.txt (дата обращения: 28.12.2019).

SYMBIOSIS OF EXISTENTIAL PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGISM OF ERNEST HEMINGWAY'S LITERARY IMAGES

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

This article is devoted to the disclosure of philosophical overtones and psychologism of literary images in the prose of Ernest Hemingway: in particular, the main characteristics of the existentialism philosophy are examined and, using

comparative as well as lexical and semantic analyzes, the proportionality of the reflection of these characteristics in E. Hemingway's novel «Fiesta» is studied. A comparison of the behavioral characteristics of literary images in this novel demonstrated that individuals such as Jacob Barnes managed to overcome the internal collapse of illusions, relying only on their own intuition and choice, which is comparable with the postulates of existential philosophy about the importance of a person's personal responsibility in a hostile world. Moreover, the image of the Spanish fiesta, truthfully recreated through the implementation of partially assimilated Spanish borrowings by the author, is presented not only as a celebration of life, but also as a potential death in a bullfight, which correlates with the theses of the philosophy of existentialism, which considers a person during borderline conditions of struggle , suffering and death.

Keywords: *existentialism, conformism, transcending, psychologism, philosophical overtones, fragmentation, borrowings.*

Об авторе:

Егорова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, SPIN-код: 1954-7772. E-mail: mipe456@hotmail.com

Egorova Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of Department of Second Languages of Tver State Technical University, Tver. E-mail: mipe456@hotmail.com

УДК 39:316.728(367)

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СВОБОДЕ БРАЧНОГО ВЫБОРА В ПРОШЛОМ

Н.В. Занегина

© Занегина Н.В., 2020

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В прошлом вступление в первый брак обыкновенно являлось результатом договора между семейно-родственными группами, к которым принадлежали юноша и девушка. Социальные нормы, распространенные повсеместно, на протяжении столетий требовали от молодежи при вступлении в брак строго следовать указаниям уважаемых членов семейства. Чтобы понять принцип работы нормативной системы, которая регулировала взаимоотношения в семьях наших предков, необходимо разобраться, как реагировало общество на возможное развитие внутрисемейного конфликта двух поколений. Могли ли родители, избравшие брачного партнера, который категорически не устраивал будущего новобрачного, рассчитывать на безусловную поддержку общественного мнения, или социум все же предусматривал некие ограничения безудержного произвола представителей

старшего поколения? Попробуем ответить на этот вопрос, привлекая для анализа максимально широкий круг источников, содержащих информацию о традициях разных народов.

Ключевые слова: *брак, семья, обычай, способы заключения брака.*

«Устав князя Ярослава» – источник, сохранивший ценные сведения о брачных обычаях древнерусского общества, – содержит следующую статью: «Аще девка не въсхощетъ замоужь, то о(те)ць и м(а)ти силою дадоутъ. А что девка оучинить над собою, то о(те)ць и м(а)ти митрополитоу въ вине, а исторъ има платити. Тако же и отрокъ» [6, с. 96]. Следовательно, если в результате брачного выбора родителей дети сочли свою дальнейшую жизнь невыносимой, решившись на самоубийство, ответственными за поступок детей в Древней Руси признавались их родители.

Не менее любопытна другая статья того же «Устава»: «Иже девка въсхощеть замоужь, а от(е)ць и м(а)ти не дадять еи, а что створить над собою, о(те)ць и мати митрополитоу въ вине. Тако и отрок» [6, с. 98]. Получается, древнерусское общество возлагало на родителей ответственность и в том случае, если они не позволят своим детям вступить в страстно желаемый брак!

Похоже, что у автора «Повести временных лет» были некоторые причины, чтобы обосновать начало военного конфликта в древнерусских землях желанием полоцкой княжны самостоятельно выбрать себе супруга: «Хочеши ли за Володимера? Она же рече: “Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю”» [10, с. 54].

Получается, в прошлом на Руси дети, достигшие порога вступления во взрослую самостоятельную жизнь, воспринимались обществом отнюдь не как «бессловесные животные». Их интересы принимались во внимание. От родителей ожидали действий, направленных на создание максимально благоприятных условий для жизни их сына или дочери. Родителям предоставлялась большая власть над детьми, но предполагалось, что если их действия принесут вред, то за свои поступки отец и мать обязаны будут держать ответ перед обществом. Таким образом, прослеживается тесная зависимость, с одной стороны, будущего детей от решения их родителей, а с другой – авторитета, репутации, положения в обществе отца и матери от благополучия семейной жизни их отпрысков. Более того, очевидно, что тысячелетие назад на Руси детям предоставлялось право противодействовать воле родителей, если те предпринимают шаги, способные нанести вред младшему поколению, в частности, пытаются выдать дочь замуж за человека сомнительного происхождения.

Примечательно, что материалы, сохранившие сведения о семейной жизни русских крестьян в Новое время, также свидетельствуют о наличии

в прошлом права детей противостоять родительским желаниям и распоряжениям. Известно, что в русских крестьянских общинах отец, как глава неразделенного семейства, обладал широкими правами даже «по отношению к своим взрослым женатым сыновьям вплоть до лишения их прав на имущество» [1, с. 174–178]. Последнее могло произойти при неповиновении детей или в случае предъявления ими требований о выделе вопреки воле отца. Однако характерно, что «сын мог обжаловать решение отца, обратившись в общинное правление». Такое дело разрешалось крестьянским сообществом «в пользу главы семьи только тогда, когда он признавался “рачительным” хозяином, а не “расточителем” семейного добра». Если оказывалось, что репутация отца в обществе оставляет желать лучшего, то «мир мог поддержать сына». Материалы дел, разбиравшихся в мирских правлениях, показывают, что не только женатые, но и холостые сыновья могли добиться от общества признания за ними права самостоятельно определять свою дальнейшую жизнь (например, против воли родителя уйти из деревни и нести тягло с отхожего промысла). В ходе подобного разбирательства под пристальным вниманием крестьянской общины оказывалось поведение главы семейства: если крестьянской общиной оно сочтено предосудительным, способным создать опасность для сохранения тяглоспособности двора, то мирским приговором главенство в семье могло быть передано жене нерачительного хозяина, его сыну (обычно старшему) или даже незамужней дочери [1, с. 174–178]. Таким образом, нормы обычного права, которыми руководствовалось русское крестьянство в XVIII – начале XIX в., свидетельствуют, что и в этот период родительская власть была далеко не беспредельной.

Прочная взаимозависимость представителей различных поколений одной семьи нередко заставляла родителей проявлять интерес к мнению их детей о кандидатуре предполагаемого супруга. Наши непосредственные предки не были уникальны. Известно множество народов, традиции которых предписывали родителям проявлять интерес к мнению детей о потенциальной невесте или возможном женихе. Среди охотников и собирателей Африки, пигмеев мбути, бушменов !кунг, г/ви и нхаро, у хадза, родители, выбирая брачного партнера своему отпрыску, учитывали интересы как жениха, так и невесты. Причем жених и невеста имели полное право отказаться от вступления в брак с предложенным кандидатом, отдав предпочтение другому претенденту [2, с. 405]. В Африке встречались и другие народы, традиции которых предписывали родителям при заключении супружеского союза интересоваться согласием на брак будущего мужа, а в некоторых группах – и согласием со стороны девушки [12, с. 90–91]. Известно, что мнение молодого человека о потенциальной супруге учитывали родители у западных бурят [11, с. 6–7].

Мнением девушки о кандидатуре будущего мужа интересовались отцы на Крайнем Севере и в Сибири, в частности у якутов [11, с. 15], юкагиров [11, с. 79], нганасан [11, с. 44], саамов [8, с. 38]. Девушка была «совершенно свободна в выборе мужа» среди айнов [14, с. 584]. Отец был вынужден получать согласие дочери на заключение брака в доисламском Иране [9, с. 86]. В древнеримском обществе согласие обоих лиц, вступающих в брак, было необходимым условием признания его законности [5, с. 30].

Особый интерес вызывают сведения о существовании в прошлом предельного возраста, по достижении которого незамужние дочери в строгом соответствии с нормами закона имели полное право самостоятельно выбирать себе спутника жизни. В частности, византийское законодательство указывает, что девица, которую так и не выдали замуж, по достижении 25 лет имела право вступить в брак против родительской воли [3, с. 103]. По-видимому, эта норма уходит своими корнями в далекое прошлое. Во всяком случае, М.М. Ковалевский отмечает наличие подобного обычая среди «афинян» [7, с. 81]. Любопытно, что похожую статью содержит вышеупомянутый «Устав князя Ярослава»: «Аще девка засядеть великых бояръ, митрополитоу 5 гривенъ злата...» (далее перечисляется величина штрафа, который следовало взимать с провинившихся родителей из менее привилегированных социальных слоев) [6, с. 94]. Следовательно, в древнерусском обществе родители, не сумевшие своевременно выдать дочь замуж, подлежали наказанию. Наличие схожей нормы в законодательных памятниках Византии не дает нам права утверждать, что эта статья была механически заимствована и не применялась в Древней Руси. Дело в том, что подобную норму содержат законодательства и других народов прошлого. В частности, стоит обратить внимание на западноевропейские источники середины первого тысячелетия новой эры, среди которых особый интерес представляет Пенитенциарий Теодора, где 17-летие девушки определяется как рубежный возраст: до этого времени родители имеют право настаивать на своем выборе, а по достижении данного возраста девица «вправе распоряжаться своим собственным телом» [5, с. 66].

Таким образом, на родителей возлагалась обязанность своевременно устроить будущее дочерей, выдать их замуж. Если отец и мать не удосужились должным образом разрешить наболевшую проблему, то общество считало себя вправе покарать нерадивых. Западноевропейский и византийский источники настаивали на необходимости ограничить родительские права, в то время как отечественный законодатель, похоже, предпочитал «бить по карману».

Необходимо отметить, что норма, ограничивающая права родителей, не являлась нововведением, характерным для законотворчества исключительно европейских народов. Знакомство с источниками азиатского

происхождения показывает, что и там власть родителей над детьми была отнюдь не безусловной. В частности, в доисламском Иране отцу вменялось в обязанность вовремя выдать дочь замуж, а пренебрежение этой обязанностью приводило к утрате им прав опеки над дочерью. Пятнадцатилетняя девушка считалась совершеннолетней; по достижении этого возраста она обретала право самостоятельно найти себе подходящего супруга независимо от наличия или отсутствия согласия на данный брак ее отца или опекуна [9, с. 106–108, 114].

Не меньшей интерес представляют обычаи Древней Индии: «... девочка должна была пройти свадебный ритуал до появления месячных. Если она стала способной к зачатию, но еще не выдана замуж, то ее родичи считались виновными в гибели возможного зародыша. Если не находилось для нее подходящей пары, рекомендовалось выдать хоть за кого-нибудь, лишь бы не совершить “греха убийства зародыша”. Девушка, не выданная замуж в течение трех месяцев (или трех лет) после появления признаков зрелости, имела право и без спроса старших “сама искать себе мужа”» [4, с. 316]. Примечательно, что в этом регионе в первом тысячелетии новой эры обычаи предусматривали жесткие наказания для членов семьи девушки, не выданной «вовремя» замуж. Если семейство занимало привилегированное положение в обществе, то ее отца, как и других членов семьи, «могли подвергнуть социальному бойкоту, вплоть до отлучения от касты», что по силе воздействия равнялось гражданской смерти [15, с. 34, 38].

Возможно, источником нормы, принуждавшей родителей прилагать максимальные усилия для обеспечения своевременного замужества дочерей, была традиция, общая для предков различных народов. Во всяком случае, речь может идти о народах, языки которых сегодня включаются лингвистами в индоевропейскую языковую семью, куда относят и персидский, и греческий язык, а также славянские и германские языки, равно как и языки многих народов Индии. Сведения о том, что подобную традицию включали в себя и обычаи еврейского народа [7, с. 81], заставляют предположить, что данная норма в древности была известна более широкому кругу обитателей ойкумены.

«Индийские» сведения интересны еще и тем, что дают повод для размышлений над основаниями, которые заставляли родителей в прошлом выдавать замуж своих дочерей как можно раньше. Похоже, причина кроется не только и даже не столько в опасениях отца и матери неожиданно оказаться дедушкой и бабушкой незаконнорожденных внуков, как часто объясняют чрезмерно ранний (с точки зрения наших современников) брачный возраст девушек. Получается, традиция рано отдавать девушек замуж имела прямо противоположные причины, а

именно – отсутствие желания отвечать перед высшими силами за вину, близкую к детоубийству!

Итак, в прошлом как юноши, так и девушки далеко не всегда были лишены возможности воздействовать на решение своих старших родственников, озабоченных поисками их будущего супруга. В частности, как свидетельствуют древнерусские источники, это было напрямую связано с общественными установлениями, которые возлагали ответственность за неудавшуюся семейную жизнь молодых людей на их родителей. Следовательно, родительская власть в выборе супруга для сына или дочери не была безграничной. В отношении своих детей родители имели не только права, но и обязанности. Обязанность обеспечить своим детям возможность вступления в брак в отношении дочери дополнялась еще одним требованием, имевшим широкое распространение в разных сообществах. Социальные нормы под угрозой наказания обязывали родителей выдать девушку замуж не позднее общепринятого срока. Наказанием мог быть как значительный штраф (так было в древнерусском обществе), так и ограничение права опеки над дочерью. В заключение приведем суждение С.Ю. Шокарева по поводу укоренившегося в современной исторической науке представления о безграничной родительской власти в средневековье: эта «... нерадостная и однобокая картина не во всем достоверна» [13, с. 387].

Вместе с тем возникает закономерный вопрос: существовали ли в прошлом социальные механизмы, то есть допустимые отклонения от общепринятой нормы поведения, позволявшие предотвратить трагическое развитие событий и достичь компромисса между представителями разных поколений одной семьи прежде, чем внутрисемейный конфликт достигал столь высокой степени напряжения, что его благополучное разрешение оказывалось невозможным? Представляется, что ответить на этот непростой вопрос может помочь исследование принципов одного повсеместно распространенного в прошлом и хорошо известного способа обретения желанной супруги; этот способ получил в русскоязычной традиции характерное название – «умыкание». Следующие публикации автор планирует посвятить изучению сего своеобразного пути достижения личного счастья, который, кстати сказать, обрел среди наших предков немалую популярность.

Библиографический список

1. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1984. 257 с.
2. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
3. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.

4. Вигасин А.А. Женщина в древней Индии (Вместо послесловия) // Вардиман Е. Женщина в древнем мире. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 301–332.
5. Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 384 с.
6. Древнерусские княжеские уставы. М.: Наука, 1976. 240 с.
7. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 188 с.
8. Лукьянченко Т.В. Саамы // Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1990. С. 35–43.
9. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 384 с.
10. Повесть временных лет. Ч. I. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 504 с.
11. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
12. Синицына И.Е. Человек и семья в Африке (По материалам обычного права). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 311 с.
13. Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М.: Молодая гвардия, 2012. 476 с.
14. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
15. Юрлова Е.С. Женщины Индии. Традиции и современность. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 520 с.

SOME REMARKS ON FREEDOM OF MARRIAGE IN THE PAST

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

In the past, the first marriage usually occurred as a result of the agreement of family-related groups of boys and girls. Most often, the future spouse was chosen by parents. However, not all boys and girls are able to obey. It is necessary to understand how society reacted to the development of a family conflict of two generations. Has public opinion always supported the choice of parents? The article uses sources about the traditions of the first marriage among different nations.

Keywords: *marriage, family, custom, the ways of marriage.*

Об авторе:

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (Historical Sciences), Ass Professor, Ass. Professor of Department of Scientific Disciplines of the Faculty of International Academic Cooperation, Tver State Technical University, Tver. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 33–37

УДК 316.4.057:316.7:930(091)

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.В. Долгова, И.В. Новожилова, О.Ф. Гефеле

Tver State Technical University, Tver

© Долгова Т.В., Новожилова И.В., Гефеле О.Ф., 2020

Рассматриваются социально-философские категории «социальная модернизация», «современность». Поднимается вопрос о проблематичности социального бытия. Дается характеристика социальному развитию.

Ключевые слова: *социальная модернизация, современность, социальное бытие, социальное развитие, «суверенная модернизация».*

Слово «современность» по своему смыслу не фиксирует какую-то определенную «привязку» события (состояния) к текущему моменту (настоящему времени), а лишь констатирует факт одновременного существования – сосуществования. Поэтому в определенном смысле мы можем говорить об античной, средневековой, индустриальной и прочей современности, о современниках Платона, Александра Македонского, Пушкина и других людей, проживающих в эту эпоху [5, с. 817].

Бытие людей и обществ по своему содержанию бесконечно обширно и разнообразно. Однако с позиций совокупности современников, то есть общества, взятого в любой момент времени, можно выделить наиболее актуальные характеристики той или иной эпохи, которые и придают ей существенное качественное своеобразие. Эти характеристики должны отражать детерминантные качества общества, то есть такие, которые напрямую коррелируют с насущными общесоциальными потребностями и интересами в конкретный исторический период, выступают основным источником, императивом социальных изменений. Прежде всего это ощущаемые или осознаваемые наличные проблемы и противоречия, блокирующие удовлетворение наличной структуры интересов и потребностей.

Поскольку человеческая деятельность и мировоззрение в основном проблемно-ориентированы, конкретный характер и содержание социального бытия в основном определяют направленность социальной активности и социальных изменений.

Другой существенной характеристикой современности является состояние наличных ресурсов, которыми располагает общество для позитивного решения этих проблем и противоречий. Таким образом,

понятие «современность» характеризует состояние общества, взятого в противоречивом единстве его насущных проблем и наличных ресурсов их решения.

Фундаментальная и универсальная проблематичность социального бытия выражается в постоянно воспроизводящейся асимметрии наличных ресурсов развития и потребностей в достижении такого состояния общества, при котором данная асимметрия «снимается».

Данная трактовка современности позволяет сформулировать непротиворечивое определение социальной модернизации как общесоциальной регулярности. Социальная модернизация (осовременивание) включает в себя два фундаментальных взаимообусловленных процесса – формирование нового поколения (системы) общесоциальных потребностей и интересов, а также поиск и внедрение ресурсов, необходимых для удовлетворения этой новой системы потребностей и интересов. Соответственно, модернизированным можно считать общество, которому удалось успешно решить комплекс злободневных проблем и обеспечить предпосылки дальнейшего прогресса. Подчеркнем: подобные явления социальной модернизации отражают не какой-либо единичный эпизод истории (например, индустриальную модернизацию Запада), а составляют общий контекст исторического процесса.

На первый взгляд такое определение социальной модернизации представляется весьма аморфным и тривиальным, воспроизводящим известную формулу «вызовов – ответов» А. Тойнби. Очевидно, что противоречие между потребностями и возможностями перманентно воспроизводится, как и поиски новых ресурсов социального развития [1]. Поэтому без дополнительных уточнений понятие «социальная модернизация» воспринимается как синоним социального развития, прогресса, движения общества от низшего к высшему по восходящей линии – от прежнего качественного состояния к новому, более высокому; обновления, рождения нового в социальном организме [6, с. 487–488]. Иначе говоря, в таком виде понятие «социальная модернизация» не содержит какое-то своеобразное состояние общества или какие-либо вероятные тенденции его изменения и, таким образом, остается неэффективным в аналитическом и объяснительном значениях.

С этим можно согласиться, если рассматривать социальное развитие как линейный эволюционный процесс равномерного и постепенного накопления модификаций. Однако большинство социальных философов и историков (при всем разнообразии адаптируемых объяснительных моделей) склонны рассматривать локальные и глобальные исторические процессы в парадигме неравномерности и определенной ритмичности общественной динамики.

Социальное развитие представляется как череда относительно продолжительных и устойчивых состояний социальных порядков (интегрированных систем социальных институтов), которые сменяются относительно непродолжительными периодами масштабных институциональных трансформаций, существенно преобразующих производственно-экономическую, социальную, политическую и культурно-идеологическую подсистемы общностей государственного, цивилизационного и мирового масштабов.

Еще древнегреческий историк Полибий (201–12 гг. до н. э.) представил смену политических режимов как цикл, включающий шесть фаз: монархию, тиранию, аристократию, олигархию, демократию и охлократию. В терминах исторического материализма парадигма неравномерности выражена в теории поступательного восхождения общества от низших общественно-экономическим формациям к высшим через социальные революции. В рамках цивилизационной парадигмы обосновывается трех- или четырехфазная модель социальной эволюции [6].

По О. Шпенглеру, внутри периодов устойчивых, самотождественных состояний общества выделяются фазы детства – юности – зрелости – старости, а периоды масштабных изменений ассоциируются с гибелью старых и зарождением новых культурно-цивилизационных комплексов [7].

Согласно Н.Д. Кондратьеву, экономическая подсистема общества также демонстрирует неравномерность и ритмичность динамики, проходя стадии повышения, перелома, понижения, перехода [8].

Таким образом, феномены ритмичности и неравномерности эволюции общества фиксируются как универсалии социальной эволюции, отражающие динамические качества социальных порядков и, следовательно, выступающие важнейшим объектом теоретического осмысления исторического процесса в его всеобщих закономерностях и конкретных воплощениях.

Справедливо предположить, что все перечисленные парадигмы указывают на некие «переходные», «переломные» состояния общества – смены форм правления, цивилизационно-культурной идентичности, направленности экономической динамики, базиса и надстройки и т. п. Данные переходные состояния всегда выражают определяющие альтернативные и в то же время взаимообусловливающие тенденции – динамичную и масштабную гибель старого, с одной стороны, и динамичное и масштабное становление нового – с другой. В любом случае смысл данных тенденций модернизационный – это поиск и внедрение ресурсов, деблокирующих дальнейший прогресс, нахождение адекватных средств позитивного решения современных каждому конкретному обществу проблем и противоречий [3, с. 3].

Предметность и когнитивную операциональность понятие «социальная модернизация» обретает при четкой фиксации объекта познания на основе выделения какой-либо социальной системы или подсистемы, переживающей модернизационные изменения. К настоящему времени наиболее интегрированной социальной системой представляется государство – нация, поскольку она характеризуется наиболее четкой и устойчивой территориальной, институциональной и духовно-культурной организацией, идентичностью и выделенностью из окружающего социального мира, обладает определенным суверенитетом в отношении внутренних ресурсов развития [4].

Такая объектная определенность понятия «социальная модернизация» обеспечивает и его предметную определенность. При этом императивы модернизации определяются не демонстрационным эффектом чужих успешных социальных порядков (индустриальный Запад), а конкретно-исторической, проблематизацией социального развития конкретной нации-государства. Перспективы и стратегии модернизационных преобразований осмысливаются не с позиций чужих модернизационных стратегий, а в контексте оценки уникальных наличных и требуемых ресурсов депроблематизации национального развития. В результате фиксируется органическое, а не «догоняющее» содержание социальной модернизации.

Новейшая история мирового развития дает ряд эмпирических подтверждений социально-практической продуктивности органических модернизационных стратегий и контрпродуктивности «догоняющих» стратегий. Иллюстрацией стратегии первого типа служит успешный модернизационный опыт Китая, примером стратегии второго типа – форсированная модернизация России периода 1990–2000 гг. [2, с. 9–10].

В свете сказанного вполне обоснованным и логичным выглядит широко дискутируемое понятие суверенной демократии как результата органической политической модернизации, свободной от механической адаптации западных демократических институтов и осуществляемой в контексте уникальных российских проблем и противоречий политической жизни, уникального демократического потенциала российского общества. В точно таком же смысле будет вполне правомерным говорить и о суверенной модернизации.

Библиографический список

1. Иванов В.Г., Долгова Т.В. Модернизация современной России и приоритеты исторического образования // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: сб. научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций; под общ. ред. И.И. Павлова. Тверь: ТвГТУ, 2014. С. 27–32.
2. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 263 с.

3. Козловский В.В., Уткин, А.И., Федотова, В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1995. 280 с.
4. Новожилова И.В. Становление понятия гражданское общество / И.В. Новожилова // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 134–139.
5. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1984. 1600 с.
6. Ритцер Дж. Современные социологические теории / 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: пер. с нем. М.: Мысль, 1993. 620 с.
8. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / сост. Ю.В. Яковец. М.: Экономика, 2002. 768 с.

SOCIAL MODERNIZATION AND MODERNITY: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

T.V. Dolgova, I.V. Novozhilova, O.F. Gefele

Tver State Technical University, Tver

The socio-philosophical categories of «social modernization», «modernity» are considered. The question is raised about the problematic nature of social being. The characteristic of social development is given.

Keywords: *social modernization, modernity, social being, social development, «sovereign modernization».*

Об авторах:

Долгова Татьяна Вадимовна – доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru. SPIN-код: 5577-0924.

Новожилова Ирина Валерьевна – кандидат политических наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru. SPIN-код: 4648-2530.

Гефеле Ольга Фридриховна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: helga2003@mail.ru. SPIN-код: 7603-7900.

Dolgova Tatyana Vadimovna – Ass. Prof. of the Department of Media and public relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: dolgovamashunya@rambler.ru.

Novozhilova Irina Valerievna – PhD (Political Sciences), Ass. Professor of Department of Media and public relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: irinanovozhilova@mail.ru.

Gefele Olga Friedrichovna – PhD (Philosophical Sciences), Ass. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: helga2003@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 38–43

УДК 167.2

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ И ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

И.В. Кольцов

ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», г. Тверь
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Кольцов И.В., 2020

В статье рассматривается философские аспекты применения математического моделирования и вычислительного эксперимента. Анализируя взаимосвязь вычислительного эксперимента и моделирования, автор поднимает вопросы их разумного сочетания для познания реальных процессов, происходящих на планете.

Ключевые слова: *моделирование, эксперимент, программа, познание, система, алгоритм.*

Сложно представить современную науку без широкого применения моделирования. Сущность моделирования состоит в замене исследуемого объекта его образом (моделью) и последующем изучении ее различными способами.

Основное требование, которому должна соответствовать модель, состоит в адекватности ее объекту, что подразумевает подтверждение результаты моделирования на практике и возможность применения модели для прогнозирования процессов, протекающих в исследуемых объектах.

Моделирование служит для решения задач по изучению и исследованию объектов, прогнозированию функционирования систем, а также для исследования структуры, параметров и алгоритмов управления.

Один из примеров классификации моделирования приведен на рис. 1.

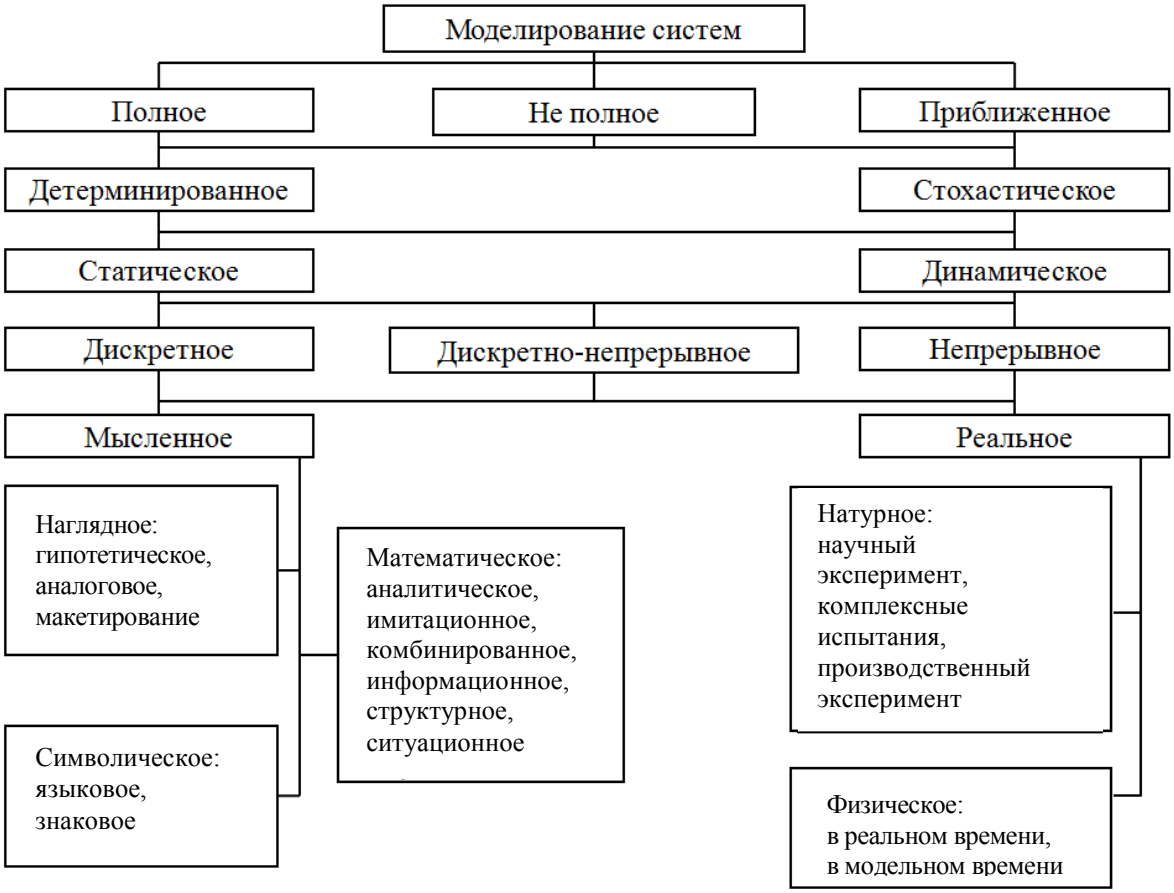

Рис. 1. Виды моделирования

Подробнее остановимся на математическом моделировании. «Математическая модель – математическое представление реальности, один из вариантов модели как системы, исследование которой позволяет получать информацию о некоторой другой системе» [8].

В свете того, что в настоящее время широкое распространение получили современные средства вычислительной техники, изучение модели проще всего осуществлять с помощью реализуемых на ЭВМ программ и алгоритмов.

Взаимодействие не с самим объектом (явлением, процессом), а с его аналогом (моделью) позволяет без существенных затрат в короткие сроки провести исследование свойств объекта и поведение в любых ситуациях [1].

Проведение экспериментов посредством ЭВМ с моделями при помощи современных вычислительных методов и технических решений позволяет детально изучать объекты в необходимом объеме, что невозможно при использовании одного только теоретического подхода.

В связи с этим в настоящее время широкое распространение получила методология математического моделирования, начиная с анализа сложнейших социальных и экономических процессов и заканчивая проектированием технических систем и управлением ими.

Математическое моделирование используется во всех типах систем, изучаемых современной наукой. Их далеко не всегда получается исследовать теоретическими методами в требуемом объеме. В случаях, когда непосредственное проведение эксперимента нецелесообразно или невозможно, применение вычислительного эксперимента дает возможность провести моделирование различных процессов на виртуальном объекте.

С точки зрения философии общими методами научного познания являются:

методы эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент);

методы теоретического исследования (абстрагирование, анализ, синтез и т. д.).

Академик А.А. Самарский разработал методологию математического моделирования, которая в кратком виде может быть представлена следующим образом: модель – алгоритм – программа. Данная методология развилась в вычислительный эксперимент – одну из форм информационных технологий, служащую для изучения процессов или явлений окружающего мира, используемую в случае высокой стоимости или сложности проведения натурных экспериментов [2].

Вычислительный эксперимент – это эксперимент над математической моделью объекта с использованием ЭВМ. Он состоит в том, что по одним параметрам модели вычисляются другие ее параметры, что дает возможность судить о свойствах явления, описываемого моделью. При исследовании новых гипотез вычислительный эксперимент служит для тех же целей, что и обыкновенный эксперимент.

В широком аспекте исследований различных направлений проведение реальных экспериментов часто невозможно, в связи с тем, что они либо опасны (к примеру, при изучении здоровья человека) и поэтому запрещены, либо просто неосуществимы (к примеру, в рамках иследования астрофизических явлений) и т. д. При этом в отличие от реальных (натурных) экспериментальных установок, вычислительный эксперимент дает возможность накопления результатов, полученных в ходе исследований, для последующего их применения при решении задач в иных областях.

Вычислительный эксперимент является одним из основных инструментов математического моделирования, который объединяет в себе

преимущества классических теоретических и экспериментальных методов. Он позволяет проводить социально-экономические, инженерные, научные, технические исследования на основе созданных моделей и программных средств.

Манипуляции не непосредственно с самими объектами, процессами и явлениями, а с их аналогами (моделями) позволяет в короткие сроки, безопасно и без существенных затрат проводить исследования свойств и работу в различных ситуациях.

Тем самым вычислительный эксперимент с использованием адекватных моделей дает возможность всестороннего изучения объектов в достаточной полноте, которую невозможно (или крайне сложно) получить в ходе теоретического изучения. Например, вычислительные эксперименты с моделями летательных аппаратов позволяют снизить количество и сроки реальных экспериментов в аэродинамических трубах, с учетом получения полной картины их обтекания воздушным потоком при различных скоростях и углах атаки. Данные эксперименты дают возможность выбора конструкции с требуемыми свойствами.

Как отмечают А.Л. Калабин, А.В. Керницкий, Э.А. Пакшвер, «адекватную математическую модель процесса используют при проектировании новой или оптимизации имеющейся технологии, при изменении ассортимента, когда необходимо эмпирически подбирать технологические параметры на промышленном оборудовании» [3, с. 17].

Манипуляции с моделями в ходе вычислительных экспериментов позволяют изменять технологические режимы, снижая количество опытных и дорогостоящих работ на реальных производствах.

Вычислительными экспериментами с использованием моделей, описывающих процессы распространения загрязнений окружающей среды, определяются принципы размещения и режимы функционирования промышленных предприятий с учетом экологических норм.

Применение вычислительных экспериментов над моделями экономических систем служит для прогнозирования динамики социально-экономических показателей [4].

Следует особо отметить, что ЭВМ может выполнять огромный пласт вычислений, реализующих математические исследования. Другими словами, ЭВМ дает возможность заменить химический, физический или иной эксперимент вычислительным.

Все этапы технологического цикла вычислительного эксперимента плотно связаны между собой и необходимы для достижения с заданной точностью в короткий промежуток времени адекватного численного описания поведения изучаемого реального объекта в тех или иных условиях. Следовательно необходимо, чтобы была одинаковая прочность

на всех этапах цикла. Слабость в одном звене может повлечь слабость в оставшихся звеньях [5].

Последовательность технологических операций вычислительного эксперимента представлена на рис. 2.

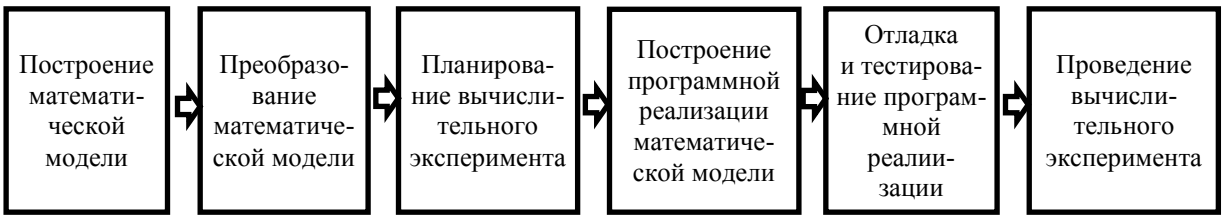

Рис. 2. Общий вид последовательности технологических операций вычислительного эксперимента

Стоит отметить еще одну важную методологическую и практическую проблему применения метода вычислительного эксперимента: как интерпретировать результаты вычислительного эксперимента. Для этих целей часто приходится разрабатывать новые методы, позволяющие представлять полученную информацию графически, что наиболее актуально для трехмерных задач. Необходимо постоянно совершенствовать сами математические модели, а также численные методы для их решения и исследования [6].

Таким образом, можно констатировать, что математическое моделирование и вычислительный эксперимент как его составляющая не могут полностью заменить натурный эксперимент. Будущее – за их разумным сочетанием. Методы исследования реального мира применимы и в мире компьютерных моделей. Вычислительный эксперимент и математическое моделирование продолжают оставаться важнейшими методами изучения протекающих явлений и процессов на планете [7].

Библиографический список

1. MetodPro.ru: сб. материалов для учеников и студентов // Сущность и история развития математического моделирования. URL: http://metodpro.ru. (дата обращения: 10.12.2019).
2. Самарский Александр Андреевич. URL: http://samarskii.ru/ru/.(дата обращения: 10.12.2019).
3. Калабин А.Л., Керницкий А.В., Пакшвер Э.А. Программная система предпроектных исследований технологических процессов формования химических волокон // Программные продукты и системы. 2008. № 1. С. 16–19.
4. Вычислительный эксперимент. URL: http://knowledge.su/v/vychislitelnyy-eksperiment. (дата обращения: 11.12.2019).

5. Компьютеры, модели, вычислительный эксперимент. Введение в информатику с позиций математического моделирования / предисл. А.А. Самарского. М.: Наука, 1988. 176 с.
6. Костомаров Д.П. От численного решения классических задач математической физики к моделированию реального мира // Вестник Московского университета. Серия 15: Вычислительная математика и кибернетика. URL: https: //elibrary.ru/item.asp?id=11911596. (дата обращения: 11.12.2019).
7. Корешкова И.А. История математического моделирования и технологии вычислительного эксперимента // Научные исследования в образовании. 2009. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-matematicheskogo-modelirovaniya-i-tehnologii-vychislitelnogo-eksperimenta. (дата обращения: 10.12.2019)
8. Математическая модель. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Математическая_модель (дата обращения: 10.12.2019).

MATHEMATICAL MODELING AND COMPUTATIONAL EXPERIMENT AS MODERN METHODS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

I.V. Kolcov

Research Institute of Information Technologies of the Federal penitentiary service, Tver

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the philosophical aspects of the application of mathematical modeling and computational experiment. Having considered the relationship between a computational experiment and modeling, philosophical questions of their reasonable combination are revealed for understanding the real processes occurring on the planet.

Keywords: *modeling; experiment; program; cognition; algorithm.*

Об авторе:

Кольцов Игорь Викторович – начальник отдела ОМИВ Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», Тверь; аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: kol_iv@ya.ru

Kolcov Igor Victorovich – Head of Department of Research Institute of information technologies of the Federal penitentiary service, Tver; PhD Student of Tver State Technical University, Tver. E-mail: kol_iv@ya.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 44–53

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9.075

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН-РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Ю.Ю. Чечурова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Чечурова Ю.Ю., 2020

Приводятся результаты сравнительного анализа индивидуально-личностных особенностей женского и мужского стилей руководства. Описаны различия психологических параметров, определяющих стиль руководства: эмоциональной направленности, волевого потенциала, стилевых особенностей принятия управленческих решений, мотивации успеха и избегания неудач. Выявлено, что стиль управления детерминирован эмоционально-волевой, когнитивной и мотивационной направленностью и имеет свои особенности у женщин-руководителей. Так, в основе женского стиля руководства лежат эмоциональная направленность и властность. В мужской выборке определяющими факторами стиля руководства выступают волевой потенциал и особенности поведения в ситуации принятия решений.

Ключевые слова: *стиль руководства, эмоциональная направленность, волевой потенциал, оценка стилей принятия управленческих решений, мотивация успеха и избегания неудач, женщина-руководитель.*

На уровне государства определяются глобальные цели, одна из которых – обеспечить гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин. В связи с этим встает вопрос о психологических особенностях лидерского стиля женщин-руководителей. Для успешного выполнения профессиональных задач женщина-управленец должна обладать развитыми когнитивными, эмоционально-волевыми и поведенческими способностями. Заключая сделки с клиентами, менеджер не всегда делает это исключительно на приемлемых для организации условиях – нередко ему приходится идти на уступки, чтобы деловое соглашение было достигнуто. Кроме того, эффективно осуществляя трудовую деятельность, женщина-руководитель каждый день находится в состоянии скрытой конкуренции со своими коллегами-мужчинами. Индивидуально-личностные особенности руководителя определяются как наиважнейшие факторы, влияющие на деятельность руководителя. Среди них выделяют мотивационно-волевые качества, эмоциональную направленность, уровень готовности к риску, стилевые саморегулятивные особенности.

Специалисты в области психологии управления отмечают, что женщины, как и мужчины, наделены потребностью в лидерстве, однако у

женщин она проявляется несколько позже. До этого у них вырабатывается так называемый «инстинкт исполнителей».

Сравнивая особенности руководства женщин и мужчин, исследователи отмечают, что женщины в большей степени эмоциональны, хуже управляют собой и собственными эмоциями. Одна из причин этого – необходимость делить время между работой и домом и возможные перегрузки в результате смены деятельности и ролей [4]. Женщины дольше принимают управленческие решения, тщательнее взвешивают аргументы, анализируют возможные риски и перспективы, поскольку им в большей степени, чем мужчинам, присущ страх, колебания, сомнения.

М. Хеннинг и А. Жарден провели сравнение мировоззрений руководителей женского и мужского пола. Согласно их исследованиям, женщины в меньшей степени, чем мужчины, готовы к возникновению внеплановых факторов, в большей степени они склонны теряться в незнакомых, непредвиденных ситуациях [11].

Примечательно, что доказанным фактом является страх женщины потерять свою женственность и привлекательность в случае получения руководящего поста.

В отличие от мужчин, женщины менее авторитарны и чаще проявляют необходимую психологическую гибкость. Особенно это качество важно в профессиях типа «человек – человек», где присутствует необходимость ежедневного интенсивного общения с различными группами людей. При решении делового вопроса женщины, в отличие от мужчин, убеждают оппонента в своей правоте, редко используя авторитарные механизмы управления. Женщины в большей степени заинтересованы в устойчивых межличностных отношениях в коллективе, поэтому под руководством женщины более вероятно формирование здорового психологического микроклимата в организации.

Вышеупомянутая психологическая гибкость женщин проявляется и при выборе приоритетного стиля руководства [2]. Женщина-руководитель принимает во внимание ситуацию на рынке труда, обстановку в современном бизнесе, умонастроения подчиненных и коллег. Поскольку женщина, в отличие от мужчины, при решении задачи нацелена не только на результат, но и уделяет внимание анализу способов достижения цели, ее действия оказываются более результативными.

Женщины-руководители являются более целеустремленными и последовательными, чем их коллеги-мужчины, из-за потребности учитывать и анализировать весь ход работы. Если для мужчин важна сама цель, то женщина уделяет большое внимание именно средствам и способам ее достижения. Кроме того, женщины более коммуникабельны, они эффективнее используют возможности решать вопросы, ориентируясь на обратную связь и доверительное поведение.

Женщина-управленец может в большей мере реагировать на нюансы отношений в коллективе [14]. Кроме того, ей присущ более развитый социальный интеллект: она с большей эффективностью оценивает и прогнозирует поведение окружающих. При этом риск пойти на поводу собственных эмоций среди женщин-руководителей все-таки выше, чем среди мужчин. Стоит заметить, что чрезмерная эмоциональность идет вразрез с идеальным образом руководителя.

Руководитель-женщина более контакта и практична. Мужчины предпочитают строить долгосрочные планы, принимают во внимание отдаленные перспективы, а женщина ставит на первое место гарантированный результат, полученный «здесь и сейчас». Для поведенческой модели женщины-руководителя характерен более жесткий контроль, в том числе за своими и чужими ошибками. Кроме того, женщина более четко формулирует свои мысли и выражает идеи.

Стремление к чрезмерному контролю зачастую перерастает в характерный для женщин консерватизм, отсутствие глобального, «стороннего» взгляда на рабочую задачу. Женщина склонна погрязать в мелочах и эмоциях, чересчур увлекаться системой человеческих отношений. Женщины-руководители более реалистичны и по-деловому настроены, им свойственны высокая мотивация достижения, стрессоустойчивость и готовность много работать. Реализовав эти преимущества, женщина-лидер часто становится успешным руководителем [1].

Дж. Зенгер и Дж. Фолкман провели сравнительный анализ природы женского и мужского лидерства. Ими выявлен ряд компетенций, наличие которых позволяет значительно повысить эффективность лидерства как у мужчин, так и у женщин; определены наиболее важные качества, которые обеспечивают женщинам конкурентные преимущества. Среди таких качеств – инициативность, саморазвитие, ориентация на результат и др. [3]. Схожие результаты получены в исследовании О.В. Котомановой: мужчинам-лидерам в большей степени свойственно развивать стратегическое мышление, женщинам – тактическое и интуитивное, но от этого женский стиль лидерства не является менее эффективным [6].

Преобладание определенных психологических качеств детерминирует стратегии и стили управления мужчин и женщин. По мнению исследователей, стратегически мужчины в большей степени ориентированы на решение конкретной задачи, в то время как женщины, помимо решения данной задачи, фокусируют внимание на деталях взаимоотношений между членами коллектива. Мужчины ориентированы на результат, тогда как женщины акцентируют внимание не столько на результате, сколько на процессе. По мнению исследователей, женщины чаще используют методы убеждения и реже прибегают к авторитарному стилю управления. В конфликтных ситуациях женщины более склонны к

поиску компромисса, в противовес принуждению. Мужчины стремятся к иерархии, соревнованию, в то время как женщины более ориентированы на достижение консенсуса и сохранение горизонтальных связей [7]. В исследовании О.В. Котомановой также отмечается, что стили лидерства мужчин и женщин различны: женщина-руководитель более законопослушна, дисциплинированна, в меньшей степени склонна злоупотреблять своим служебным положением [5].

Исследование социально-психологических особенностей женщин-руководителей на различных уровнях иерархии государственных и муниципальных органов власти проведено А.В. Погадаевой. Согласно полученным результатам, женщины-лидеры во многом перенимают черты, традиционно присущие руководителям-мужчинам: ответственность и самостоятельность, независимость и готовность отстаивать собственное мнение. Женщины рассматривают карьеру как возможность самореализации и достижения независимости. Для респондентов характерен достаточно высокий уровень интеллекта (специальные методики для выявления уровня интеллекта не применялись, выводы основаны на наблюдениях). При этом большинство опрошенных отметили, что карьерное восхождение далось им нелегко, и это подтверждает тезис о наличии «стеклянного потолка» [12].

Исследование, проведенное С.Н. Семенковой, было ориентировано на женщин-руководителей в системе образования. Выявлялись качества, необходимые женщине-руководителю, и качества, ограничивающие их управленческую деятельность. Испытуемые практически единогласно отметили качества, которые помогают улучшать профессиональную управленческую деятельность: принципиальность, генерирование идей, внимание к людям, организованность, дисциплинированность [13].

Исследование, проведенное А.Е. Чириковой и Н.Ю. Лапиной, позволило выделить ряд качеств, характерных для современной женщины-руководителя в сфере бизнеса. Авторам удалось выявить спектр психологических качеств, которые создают сложности для женщин-руководителей в процессе их управленческой деятельности. Это проблема наказания подчиненных (вследствие мягкости характера), эмоциональность, недостаточная способность к риску, чрезмерная ответственность, недостаток стратегического мышления, амбиций [15]. Одновременно можно отметить невостребованность этих качеств в современной предпринимательской культуре российского общества. Кроме того, женщины-руководители из региональной выборки в большей степени недовольны своей слабохарактерностью. Следовательно, именно в регионах бизнес требует от женщин-руководителей большей жесткости и стойкости, что на базовом уровне характеризует предпринимательскую культуру регионов как более закрытую и авторитарную.

Будучи склонной к анализу, женщина-руководитель может критичнее, чем мужчина, оценить собственные способности. При этом она будет более активно и со значительной эффективностью использовать свои слабые стороны [10].

При этом женское руководство характеризуется рядом негативных особенностей.

Женщина более склонна к проявлению консерватизма и чрезмерному анализу несущественных аспектов трудовой деятельности, системы межличностных отношений, что приводит к внутриорганизационным интригам и ухудшению отношений между коллегами.

Нередко женщина-руководитель не способна выстроить эффективные отношения с мужчинами-подчиненными. Один из факторов: мужчины привыкли к иерархическому построению внутриорганизационных межличностных отношений по типу «начальник – подчиненный» и считают слабостью попытку со стороны женщины-руководителя управлять организацией в партнерской системе взаимодействия с применением доверительной модели поведения.

В иерархической системе женщина управляет хуже, чем мужчина-руководитель, однако условия бизнеса на современном рынке труда меняются очень быстро, крупные компании вынуждены изменять структуру организаций и создавать сотрудникам условия для коллегиальных осуществлений полномочий. В связи с этим потребность в женщинах-руководителях будет расти.

Женщинам приходится демонстрировать такие типично «мужские» поведенческие черты, как агрессивность, жесткость и т.п. Руководство женщины подчас может быть лишено присущей мужчинам масштабности. Ряд исследователей утверждает, что у женщин-руководителей отрицательные качества проявляются в большей степени, чем у мужчин: женщины нередко становятся чрезмерно самоуверенными, авторитарными. Мужчина быстрее понимает требования делового партнера-мужчины и активнее, чем женщина, включается в работу.

Женщина, как правило, в большей степени проявляет эмоции, чем мужчина, поэтому при управлении коллективом ей приходится тратить больше сил на контроль эмоциональности.

Эмоциональные перегрузки, как отмечено выше, связаны и с необходимостью менять социальные роли на работу и дом. Зачастую женщина-руководитель дома выступает в роли исполнителя. Ежедневная необходимость смены социальных ролей отрицательно сказывается на эмоциональном и психологическом состоянии женщин-руководителей, что может привести к усталости, стрессу, ухудшению отношений как с коллегами, так и с членами семьи [8].

Таким образом, женский стиль управления отличают гибкость и способность смешивать черты одного стиля с характерными особенностями другого, достигая разумного баланса авторитарности и делегирования полномочий.

Объектом исследования проведенного автором выступили менеджеры по работе с клиентами. Общая численность принявших участие в исследовании составила 50 человек в возрасте от 24 до 44 лет, из них 25 мужчин и 25 женщин.

В целях выявления индивидуально-личностных особенностей стиля управления женщин-руководителей использовался следующий психодиагностический инструментарий:

диагностика эмоциональной направленности личности Б.И. Додонова;

методика «Диагностика волевого потенциала личности» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов);

методика «Оценка стилей принятия управленческих решений» (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов);

методика «Стиль руководства» А.Л. Журавлева;

диагностика мотивации успеха и боязни неудачи (А.А. Реан).

В целях выявления индивидуально-личностных особенностей женщин-руководителей была проведена диагностика эмоциональной направленности в каждой группе респондентов. Так, у женщин-руководителей преобладающая эмоциональная направленность – праксическая (ее продемонстрировали 32 % испытуемых); 28 % имеют гностическую направленность. При этом в женской выборке присутствует романтическая направленность (12 %), отсутствующая у мужчин. В мужской выборке в равной степени выражена праксическая и гностическая направленность (по 28 %). Достоверных различий выявлено не было.

Диагностика волевого потенциала продемонстрировала высокий уровень в женской выборке: m = 24,24. Люди подобного типа нередко проявляют инициативу, берясь за сложные задания, никогда не подводят тех, кто полагается на них. Однако иногда их сила воли и позиция по конкретным вопросам оказывается лишена необходимой гибкости, что может раздражать окружающих. В мужской выборке волевой потенциал имеет средние значения (m = 20,16). На людей такого типа можно положиться: если они столкнутся с препятствием, то начинают преодолевать его, однако при наличии обходного пути воспользуются им. Они редко берутся за решение сложных задач по собственной инициативе, что может отрицательно сказаться на отношениях с коллективом.

Путем применения непараметрического критерия Манна – Уитни были установлены достоверные различия в показаниях волевого потен-

циала (U = 175; p = 0,007), при этом женщины-руководители имеют более высокие показатели волевого потенциала.

Диагностика стилевых особенностей принятия управленческих решений выявила, что в женской выборке параметр «властность» имеет среднее значение m = 91,52, то есть женщины отдают предпочтение директивному стилю руководства. При этом средний показатель для мужской выборки (m = 90,88) определяет предпочтение коллегиального стиля. При применении непараметрического критерия Манна – Уитни достоверных различий не выявлено.

По параметру «поведение в ситуации принятия решения» средний показатель по женской выборке составил 123,04, по мужской – 118,52. Если показатель мужской выборки говорит о незначительной склонности респондентов к директивному стилю руководства, то среди женщин эта тенденция выражена более явно. Посредством применения непараметрического критерия Манна – Уитни была выявлена тенденция к достоверному различию по данному показателю (U = 220,5; p = 0,060), при этом женщины характеризуются более высоким показателем параметра «поведение в ситуации принятия решения», что означает более ответственное отношение к решению задач и склонность к директивному стилю управления.

Диагностика стиля руководства выявила, что как для женской, так и для мужской выборки характерно предпочтение коллегиального стиля (76 и 69 % соответственно). Попустительскому стилю отдают предпочтение 16 % мужчин и лишь 4 % женщин. Директивный стиль свойственен 20 % женщин и 15 % мужчин. Сравнительный анализ не выявил достоверных различий в стиле руководства в мужской и женской выборке.

При исследовании уровня мотивации успеха и боязни неудачи получены следующие результаты: средние показатели по женской выборке составили – 18,2, по мужской – 16,04. Можно говорить, что женщины в большей степени, чем мужчины, ориентированы на успех в достижении цели, поскольку обладают более высоким уровнем мотивации. Частотный анализ позволил выявить процентное соотношение уровней мотивации: абсолютное большинство женщин (96 %) отличаются высоким уровнем мотивации. При этом в отличие от мужчин среди женщин не выявлено низкого уровня мотивации. В мужской выборке высокий уровень мотивации достижения успеха продемонстрировали 76 % респондентов. С помощью сравнительного анализа по критерию Пирсона выявлены достоверные различия по уровню мотивации у мужчин и женщин (χ^2 = 0,120, p = 0,42), при этом женщины демонстрируют более высокую мотивацию, чем мужчины.

Диагностика особенностей взаимосвязи стиля руководства и индивидуально-личностных качеств менеджеров женского пола выявила,

что в женской выборке на выбор стиля руководства влияют эмоциональная направленность (χ^2 = 7,361, p = 0,013) и властность (χ^2 = 6,814, p = 0,050). Кроме того, была выявлена взаимосвязь между типом эмоциональной направленности и стилем руководства (табл. 1).

Так, при попустительском стиле ярко выражена коммуникативная направленность. Панибратство и перекладывание ответственности, характерное для попустительского стиля, взаимосвязано с характером коммуникативной направленности: желанием пообщаться, завести дружбу, удовлетворить потребность в эмоциональной близости.

Таблица 1. Влияние типа эмоциональной направленности на стиль руководства (%)

Стиль руководства	**Эмоциональная направленность личности**					
	Альтруистическая	Коммуникативная	Гло-рическая	Праксическая	Романтическая	Гностическая
Попустительский	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Коллегиальный	5,3	15,8	10,5	36,8	5,3	26,3
Директивный	0,0	0,0	0,0	20,0	40,0	40,0

В основе коллегиального стиля лежат разные виды эмоциональной направленности – от альтруистической до гностической.

Для директивного стиля свойственны праксическая, романтическая и гностическая эмоциональные направленности.

Установлено, что наиболее высокий уровень властности у женщин-менеджеров проявляется при коллегиальном стиле (табл. 2).

Таблица 2. Уровень властности женщин-менеджеров при разных стилях руководства

Стиль руководства	**Властность (средний ранг)**
Попустительский	1,00
Коллегиальный	14,63
Директивный	12,00

В мужской выборке определяющими факторами, влияющими на выбор предпочитаемого стиля руководства, являются волевой потенциал (χ^2 = 5,677, p = 0,52) и поведение в ситуации принятия решений (χ^2 = 5,745, p = 0,051). При директивном стиле руководства, как правило, проявляется высокий уровень волевого потенциала. Аналогично, высокие показатели по шкале «поведение в ситуации принятия решений» характеризуют авторитарного руководителя.

Отметим, что при принятии управленческих решений мужчины в большей степени руководствуются логикой, а женщины – эмоциями и волей.

Полученные данные согласуются с выводами Н.С. Ливак, которая установила, что женщины-руководители отличаются повышенным уровнем активности и решительности [7]. Их главными качествами являются независимость, властность, склонность к риску и уверенность в себе.

В своем исследовании А.А. Лопатина также подтверждает, что женщины в большей мере, чем мужчины, склонны к проявлению эмоций. Для мужчины-руководителя характерно логическое мышление и проявление аналитических способностей [9].

С.А. Ильиных и М.М. Бычкова, проанализировавшие гендерный аспект принятия управленческих решений, также утверждают, что в кризисной ситуации женщина более авторитарна и склонна детально просчитывать риск возможных неудач прежде, чем принять окончательное решение [4].

Полученные результаты представленного исследования могут быть использованы учебными организациями, ведущими подготовку по управленческому профилю, для повышения уровня развития индивидуально-личностных качеств у обучающихся женского пола, а также могут быть востребованы практическими организационными психологами для сопровождения женщин-управленцев и коррекции предпочитаемого стиля руководства с учетом их индивидуально-личностных особенностей и организационной специфики.

Библиографический список

1. Бендас Т.В Перспективы развития гендерной психологии лидерства в свете современных научных тенденций // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 3 (12). С. 85–92.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он значит больше, чем IQ. М.: МИиФ, 2017. 536 с.
3. Зенгер Дж. Правда ли, что женщины руководители лучше мужчин. URL: http: //hbr-russia.ru/liderstvo/lidery/p12467 (дата обращения: 30.12.2019).
4. Ильиных С.А., Бычкова М.М. Гендерный анализ принятия управленческих решений. // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 5. С. 13–18.
5. Котоманова О.В. Проблема стилей, мотивации и участия в управлении мужчин и женщин. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Образование. Личность. Общество. 2018. № 5. С. 91–95.
6. Котоманова О.В. Женщины в российском обществе: проблемы гендерного неравенства // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Образование. Личность. Общество. 2017. Вып. 5. С. 243–248.
7. Ливак Н.С. Личностные особенности женщин-руководителей. // Здоровье и образование в XXI веке: электронный научно-образовательный вестник. 2018. Т. 20. № 10. С. 52–57.

8. Логвинов И.Н. Гендерная психология лидерства: современные исследования и тенденции // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2014. № 97. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-psihologiya-liderstva-sovremennye-issledovaniya-i-tendentsii (дата обращения: 30.12.2019).
9. Лопатина А.А. Женское управление как развитие современного общества. Отличия женского управления от мужского // Аллея науки. 2018. Т. 1. № 1 (17). С. 558–562.
10. Лопатина А.А. Особенности руководителей женского пола // Аллея науки. 2018. Т. 4. № 6 (22). С. 336–339.
11. Общий менеджмент: уч. пос. / Л.С. Ружанская [и др.]; под общ. ред. Л.С. Ружанской, И.В. Котляревской. Екатеринбург: Уральский ун-т, 2017. 116 с.
12. Погадаева А.В. Психологические особенности женщины-руководителя // Ямальский вестник. 2016. № 3 (8). С. 90–95.
13. Семенкова С.Н. Психологический портрет женщины-руководителя // Наука и современность. 2014. Вып. 27. С. 100–108.
14. Кнорринг В.И. Теория, практика и искусство управления: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2009. 544 с.
15. Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // Политекс. 2018. Т. 7. № 1. С. 142–162.

INDIVIDUAL-PERSONAL CHARACTERISTICS OF THE LEADERSHIP STYLE OF WOMEN MANAGERS

Yu.Yu. Chechurova

Tver State Technical University, Tver

The article presents the results of a comparative analysis of the individual-personality characteristics of female and male leadership styles. The differences in the manifestation of psychological parameters that determine the leadership style are described: emotional orientation, strong-willed potential, stylistic features of managerial decision making, motivation for success and avoidance of failure. It was revealed that the management style is determined by the emotional-volitional, cognitive and motivational orientation and has its own characteristics in women-leaders in contrast to men. Thus, the female leadership style is based on emotional orientation and authority. In the male sample, the decisive factors in the style are the volitional potential and behavioral characteristics in the decision-making situation.

Keywords: *leadership style, emotional orientation, strong-willed potential, assessment of management decision-making styles, motivation for success and avoidance of failures, female leader.*

Об авторе:

Чечурова Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: y.chechurova@gmail.com

Chechurova Yuliya Yurevna – PhD, Ass. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: y.chechurova@gmail.com

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 54–58

УДК 159.923.33

ПРАВОСЛАВНЫЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ МОТИВАЦИЙ РУССКОГО НАРОДА

С.В. Лавриков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Лавриков С.В., 2020

В статье рассматривается влияние православия на формирование хозяйственно-трудовой деятельности, этики труда в России. Показаны общехристианские и специфические православные особенности религиозного отношения к труду, его смысловому назначению, видам труда, богатству, вознаграждению за труд. Анализируются разные точки зрения на проблему совместимости православных ментально-экономических установок с реалиями современной российской экономической модели.

Ключевые слова: *труд, православие, православная этика труда, экономический менталитет, экономическая культура, ценность, мотивация.*

Идущий в современной России поиск наиболее адекватной отечественным условиям модели рыночной экономики актуализирует исследование традиционных ценностей и идеалов русского «экономического человека», особенностей его трудовой ментальности. Не менее значима эта тематика и в свете современной российской модернизации с точки зрения поиска внутренних факторов ее нравственной легитимации. Превращение труда в смысложизненную ценность возможно на базе традиционных ценностей, выявление которых немыслимо без учета религиозного отношения к проблеме труда [3, с. 531].

Значительный вклад в осмысление этой проблематики в XIX – начале XX вв. внесли А.С. Хомяков, С.Н. Булгаков, А.А. Богданов. В современной экономико-исторической науке социокультурные основания трудовой деятельности описываются и анализируются в работах Т.Б. Коваль, Е.М. Авласович, А.К. Саакян, Г.И. Могилевской, Э.М. Разумова, Е.С. Балабановой и др.

Труд, понимаемый как человеческая деятельность, имеющая своей целью создание духовных и материальных благ, социокультурно обусловлен. От господствующей в обществе на тех или иных этапах исторического развития религиозно-идеологической системы зависит понимание смысла труда, отношение к нему, внутренние мотивы, побуждающие индивида к труду [4, с. 155]. В России базовые ценности связаны с православным христианством. Известный российско-американский социолог П.А. Сорокин (1889–1968) отмечал: «Со времени становления русской нации в девятом веке и приблизительно вплоть до

восемнадцатого века господствующее умонастроение и господствующая культурная надстроечная система (в науке, религии, философии, этике, праве, изящных искусствах, политике и экономике в их идеологической, бихевиористской и материальной формах) формировали идеи или носили религиозный характер, опираясь на тот основополагающий принцип, что подлинной действительностью и высшей ценностью являются Бог и Божье царство в том виде, как они "раскрываются" в Библии (особенно в Новом завете), сформулированы в христианском "Кредо" и развиты в учении великих духовных отцов (особенно Восточной церкви). Господствующий русский склад ума и все отделения русской культуры и социальной организации, а также вся система великих ценностей были идеологическим, бихевиористским и материальным выражением и развитием этого главного положения (христианской религии)» [5, с. 193–194].

Распространялись православно-христианские идеалы и на экономическую сферу. Православие на протяжении веков привносило духовное начало и нравственную организацию в хозяйственно-трудовую деятельность, формировало этику труда в России.

Учитывая глубинное родство всех трех направлений христианского вероисповедания, можно выделить комплекс общих принципов, определяющих основы христианской трудовой этики. Основная отличительная особенность общехристианского отношения к земным благам, физическому и умственному труду, хозяйствованию, связана с тем, что материальный мир признается благим, как творение Бога. Не отрицая хозяйственную деятельность, христианство связывает труд с высшими целями, представляет его как религиозное служение. В христианстве труд становится способом совершенствования человека и окружающего мира. Это создавало основу для раскрепощения трудовой инициативы и хозяйственной энергии, оправдывало деятельность в земном мире.

Тем не менее православный хозяйственный этос имеет ряд отличий от католического и протестантского взглядов на трудовую деятельность. Прежде всего это проявляется в том, что православие уделяет меньше внимания экономической сфере общества. Оно самоустраняется от хозяйственной проблематики, но не игнорирует, а смотрит на нее иначе, в силу иного видения мира и человека [2, с. 56].

Если католицизм вдохновлялся образом энергичного и деятельного апостола Петра, то православие, подобно апостолу Иоанну, больше ориентируется на внутреннюю созерцательность, чем на внешнюю практическую жизнь. Опираясь на догмат о слиянии в Иисусе Христе человеческой и божественной природы, православие, в отличие от западного христианства, больше сосредотачивается на абсолютном, вечном, небесном. Православие, писал И.А. Ильин (1883–1954), дало

русскому народу «… непоколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и в будущей, искание живых путей в этом единении и преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа Сына Божия. Это и есть именно тот дар, который в истории христианства называется духом апостола Иоанна, который утрачен Западом и отречься от которого значило бы отречься от самого русского естества. И что еще достопримечательно, что этот Иоанновский дух пропитал всю русскую культуру – русское искусство, русскую науку, русский суд – и незаметно был впитан и инокровными и инославными русскими народами: и русскими магометанами, и русскими иудеями так, что они уже нередко чувствуют себя ближе к нам, чем к своим единокровным и единоверным братьям» [6, с. 202–203].

Православие формирует определенную ценностную систему, строящуюся на преобладании духа над материей. Это соотношение в конечном итоге обусловливает всю православную этику труда.

Каждый христианин, с точки зрения православия, должен трудиться. Ценность труда в православии определяется внутренней мотивацией. Труд, понимаемый как религиозное служение, как послушание, аскеза, должен быть направлен на раскрытие полученного от Бога таланта. Он должен способствовать духовному совершенствованию, быть средством воспитания души. В связи с этим высшей формой труда в православии считается духовный труд (молитвенный, созерцательный). Труд же, совершаемый для самоутверждения, удовлетворяющий греховные страсти человека, выступающий как самоцель, православие признает бессмысленным, пагубным для души, «небогоугодным» [2, с. 58].

Отличительной особенностью православной трудовой этики является одобрение любого вида деятельности, конечные результаты которой направлены на благие дела. Последние приобретают смысл для спасения, если делаются ради Христа. Православие не делит труд на «престижный» и «непрестижный». Оно признает меценатство, труд во имя коллектива или Родины. Труд же профессиональный добродетелью не является – он рассматривается как проявление гордыни, выражение эгоизма. Поэтому православное христианство, не отрицая заслуг христианина – мастера в своем деле, больше одобряло людей, искусных «во всяком деле человеческом». Это способствовало универсализации знаний человека, всестороннему развитию его трудовых навыков.

Такое понимание труда проистекает из православной трактовки бедности. Социальное опрощение, то есть сознательный отказ от благ цивилизации, от карьеры, богатства, социального статуса ради духовного самосовершенствования, русское православное мировоззрение рассматривает как добродетель, как высшее призвание, высшую свободу.

Следовательно, материальные блага, богатство – нравственно сомнительны, порочны. Подлинно религиозный русский работник, боясь пожадничать, впасть в грех гордыни, не старался получить соразмерную плату за свой труд. Он предпочитал занизить вознаграждение, отдавая в подарок часть своих трудовых усилий и сохраняя чистую совесть. Такой подход совершенно не характерен для западной ментальности, предполагающей строгое соответствие между трудом и его оплатой [2, с. 68–69].

Таким образом, православная трудовая этика, не отвергая само хозяйство, отстаивает приоритет нравственных начал в экономике. В трудовых отношениях такие показатели, как профессия, должность, характер труда, не являются свидетельством приближенности к Царствию Небесному. Вне зависимости от характера выполняемой работы, акцент делается на то, кто ее выполняет. Признавая высшим труд молитвенный, созерцательный, осуществляемый прежде всего монахами, православие призывает к нему всех христиан, каков бы ни был их имущественный и социальный статус.

«Непрактичность» православных этических установок выражается в том, что православное религиозное сознание, в отличие от протестантизма, не поощряет стремление к обогащению, не оправдывает буржуазную предприимчивость. Однако, по мнению Т.Б. Коваль, это вовсе не означает несовместимости православия и рыночной экономики. Православные идеалы подходят для любых форм экономического устройства, они дают ориентиры высокой духовности, позволяют сформировать нравственную трудовую мотивацию у работников, обеспечивают социальную стабильность, сдерживают имущественное расслоение. Православная этика хозяйствования в конечном счете позволяет, сохранив духовные ориентиры, обеспечить достойный уровень благосостояния для всех слоев общества [2, с. 69–70].

Иной точки зрения придерживается исследовательница современной российской экономической ментальности Е.С. Балабанова. Выделяя отличительные признаки российской экономической культуры, исторически сформировавшиеся под влиянием православия (ценностно-рациональный характер экономического поведения, преобладание недостижительских и уравнительных ценностей, критическое отношение к богатству), Е.С. Балабанова указывает на ее традиционализм. Преобладание традиционалистских установок выражается не в мобилизации трудовых усилий в кризисных ситуациях, а в сокращении потребностей, в отсутствии стремления к повышению уровня благосостояния и высоким заработкам [1, с. 70]. Противоречие между заимствованными у Запада экономическими институтами и «восточным» типом современной российской экономической ментальности блокирует трансформационные процессы,

является главным барьером на пути к созданию современной рыночной экономики в России [1, с. 67–68].

Библиографический список

1. Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // Мир России. 2001. № 3. С. 67–77.
2. Коваль Т.Б. Этика труда православия // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 55–70.
3. Могилевская Г.И., Разумова Э.М. Православие и трудовая этика: актуальные аспекты // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 531–534.
4. Саакян А.К. Социокультурная обусловленность ценности труда // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2011. Т. 11. № 2. С. 156–161.
5. Сорокин П.А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке // Молодая гвардия. 1990. № 10. С. 181–198.
6. Я русский! Хрестоматия русского национального характера / автор-сост. В.В. Аристархов. М.: Вече, 2010. 304 с.

ORTHODOX SPIRITUAL VALUES IN THE SYSTEM LABOR MOTIVATIONS OF THE RUSSIAN PEOPLE

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

The article examines the influence of Orthodoxy on the formation of economic and labor activity, work ethics in Russia. General Christian and specific Orthodox features of the religious attitude to work, its semantic purpose, types of work, wealth, remuneration for work are shown. Different points of view on the problem of compatibility of Orthodox mental and economic attitudes with the realities of the modern Russian economic model are analyzed.

Keywords: *labor, Orthodoxy, Orthodox work ethics, economic mentality, economic culture, value, motivation.*

Об авторе:

Лавриков Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. SPIN-код: 4564-4825. E-mail: lavrikov@list.ru

Lavrikov Sergey Vyacheslavovich – PhD (Historical Sciences), Ass. Professor of Department of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: lavrikov@list.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1(20). С. 59–67

УДК 159.9.072

СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ОТДЕЛА ПРОДАЖ

О.В. Милюкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Милюкова О.В. , 2020

Проанализированы результаты исследования взаимосвязи стилей руководства с показателями эффективности профессиональной деятельности менеджеров по продажам банковских продуктов. Комплексная оценка профессиональной эффективности группы может быть произведена лишь в том случае, если учтены объективные (экономические) и субъективные (социально-психологические) факторы. В качестве экономических факторов в исследовании использовались показатели KPI. Показатели интегральной удовлетворенности трудом рассматривались как социально-психологический фактор. Установлена взаимосвязь показателей экономической и психологической эффективности деятельности менеджеров по продажам с ориентацией руководства на потребности сотрудников.

Ключевые слова: *стиль управления, управленческая решетка, экономические показатели эффективности, KPI, психологическая эффективность, удовлетворенность трудом, профессиональная деятельность, менеджеры отдела продаж, эффективность деятельности.*

В условиях современного мира и стремительно развивающейся экономики эффективность деятельности групп становится одним из основных факторов, определяющих перспективы существования и развития организации. Конкурентная среда актуализирует вопрос об учете всех возможных факторов, влияющих на экономическую эффективность деятельности любой организации. В последнее время одним из более значимых признается именно социально-психологическое воздействие на эффективность деятельности групп, в частности, восприятие подчиненными своего руководителя. В связи с тем, что руководитель играет центральную роль в любой организационной системе, изучение управленческой деятельности объективно выступает основной проблемой теории управления. При этом главное место, безусловно, принадлежит комплексу вопросов, связанных с содержанием управленческой деятельности, и в частности стиль индивидуальной деятельности руководителя.

Нами было проведено исследование взаимосвязи стилей руководства с экономической и психологической эффективностью профессиональной деятельности менеджеров по продажам банковских услуг.

Под эффективностью деятельности группы (от лат. effectivus – дающий определенный результат, действенный) понимают отношение достигнутого результата (по тому или иному критерию) к максимально достижимому или заранее запланированному результату [4]. Эффективность деятельности группы можно оценить при наличии количественных или качественных критериев как оснований для определения соотношений достигнутого и запланированного.

Существует множество критериев оценки эффективности. Исследователи в области менеджмента, как правило, объединяют их в две большие группы, выделяя следующие универсальные критерии:

1) продуктивность (чаще всего экономическая, выражаемая в понятии «валовая рентабельность», то есть разница между выручкой от реализации и себестоимостью продукта, учет прибыльности и убыточности);

2) удовлетворенность (трудом, принадлежностью к группе, психологическим климатом и т.д.), понимаемая как психологическое состояние, вызванное соотношением определенных притязаний субъекта трудовой деятельности и возможности их осуществления [2].

Другими социально-психологическими показателями эффективности деятельности группы являются величина и состав группы, сплоченность и уровень управляемости коллектива, бескорыстное и добросовестное отношение к труду, всестороннее развитие личности, ценностные ориентации и нормы, и т. д. [3]. Однако же оценивание эффективности деятельности группы по данным показателям затруднено из-за сложности сведения теоретических значений к эмпирическим процедурам измерения.

При этом понятие эффективности деятельности группы не стоит синонимизировать с понятием «результативность». Если критерии, используемые для процедуры оценки эффективности, сводятся к количественным единицам измерения, то можно говорить о результативности как синониме эффективности. Если же в качестве критериев добавляются психологические критерии, не поддающиеся количественному измерению, понятие «результативность» не может использоваться как синоним понятия «эффективность».

Оценка экономической эффективности работы отдела продаж в организации осуществляется с помощью системы Key Performance Indicators – KPI.

KPI – система признаков оценки результативности и эффективности действий персонала, реализации управленческих функций, производственных, научно-технических и других процессов в организации. Большинство компаний, которые стремятся быть конкурентоспособными на

внутреннем и мировом рынках, используют систему разнообразных маркеров эффективности предприятия. Это позволяет оперативно оценить темпы роста и выявить отклонения от оперативного и стратегического плана.

Психологическая эффективность организации является маркером управленческой деятельности руководителя в отношении подчиненных, то есть показателем использования потенциальных возможностей коллектива для осуществления целей организации и ее общественную значимость.

В области психологии управления фактор удовлетворенности работой нередко рассматривается как совокупность социально-психологических показателей успешности функционирования группы, осуществляющей совместный труд. В эту совокупность входят такие критерии, как эффективность выполнения управленческих функций, уровень сплоченности коллектива, правильность подбора и расстановки кадров, оптимальное функционирование коммуникативных сетей и др.

Итак, для изучения влияния стиля управленческой деятельности на показатели экономической и психологической эффективности группы мы исследовали 90 менеджеров по продажам, разделив их на 7 групп, а также 7 ведущих менеджеров отдела продаж коммерческого банка.

Рассмотрев различные классификации стилей управления, мы взяли за основу теорию Блейка – Моутона о двух типах направленности руководителя [1]. Управленческая решетка Р. Блейка и Дж. Моутона дает возможность оценить характер управления на предприятии. Положение на решетке определяет степень развития методов управления предприятием. Опросник Р. Блейка и Дж. Моутона построен на классификации Р. Лайкерта и анализирует две составляющие стиля управления – «ориентацию на задачу» и «ориентацию на персонал». Психологическая эффективность группы анализировалась при помощи методики «Интегральная удовлетворенность трудом». Данная методика направлена на исследование интегральных показателей, отражающих благополучие / неблагополучие личности в трудовом коллективе, и общей удовлетворенности трудом, включающей в себя оценку выраженности интереса к выполняемой работе, удовлетворенности взаимоотношениями с коллегами и руководством, уровень притязаний в профессиональной деятельности, удовлетворенность условиями, организацией труда и др.

На основании предоставленных документов (служебных записок с утвержденным объемом продаж и плана реализации продукции компании, а также отчетов по ежемесячным бонусам за KPI менеджера по продажам, куда включены следующие показатели: маржинальный доход, удержание постоянных клиентов, привлечение новых клиентов, наличие обязательного (ходового) ассортимента за I квартал 2019 г.) были получены экономические показатели эффективности работы групп.

Результаты исследования стилей управленческой деятельности представлены на управленческой решетке (рис. 1).

I. Руководители первой и седьмой групп заняли позицию 3.3 в управленческой решетке. Она характеризуется слабой направленностью как на задачу, так и на сотрудников. Такой руководитель может пускать дела на самотек или обращаться к помощи постороннего эксперта, если это необходимо. Уделяет мало внимания бизнес-процессу в целом, не желает вносить в него какие-либо изменения и часто ссылается на обстоятельства.

1.9	2.9	3.9	4.9	5.9	6.9	7.9	8.9	9.9
1.8								9.8
1.7		**3 исп.**						9.7
1.6								9.6
1.5			**2 исп**.	5.5				9.5
1.4								9.4
1.3		**1 и 7 исп.**	**4 исп.**	**6 исп.**				9.3
1.2			**5 исп**.					9.2.
1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	1.6	1.7	1.8	9.1

Рис. 1. Результаты исследования по методике управленческой решетки Блэйка – Моутона

II. Руководитель второй группы занимает позицию 4.5 управленческой решетки. Этот тип руководства близок к «золотой середине», то есть руководитель находит баланс эффективности и хорошего морального настроя. Эта позиция характеризует тот тип руководителя, который формирует основу для эффективного управления. Принимая решения, он обязательно обсуждает их с подчиненными и готов вносит необходимые коррективы. Возможность контролировать процесс принятия решений является для рабочих своего рода компенсацией за осуществление контроля над их деятельностью в процессе производства. Положительными чертами руководителей такого типа являются постоянство, заинтересованность в деле, нестандартность мышления, прогрессивные взгляды.

III. Руководитель третьей группы занимает позицию 3.7. на решетке. Для управленцев этого типа характерны высокая направленность на сотрудников и низкая направленность на задачу. Особое внимание уделяет потребностям и интересам подчиненных и не уделяет должного внимания производственному процессу – выполнению планов и производственных задач. Такой руководитель, как правило, любим подчиненными, но часто принимает не вполне обдуманные решения, которые могут нанести вред При этом подчиненные могут злоупотреблять излишней доверчивостью своего руководителя.

IV. Руководитель четвертой группы занимает на управленческой решетке позицию 4.3, для которой характерна направленность на задачу и низкая ориентация на сотрудников. Такой руководитель лишь решает административные вопросы и ставит задачи.

V. У руководителя пятой группы (позиция 4.2) выражена ориентация на задачу и практически отсутствует внимание к потребностям сотрудников.

VI. Руководитель шестой группы (позиция 5.3) уделяет основное внимание решению производственных задач и слабо ориентирован на сотрудников.

На гистограмме (рис. 2) представлены показатели выполнения плана продаж.

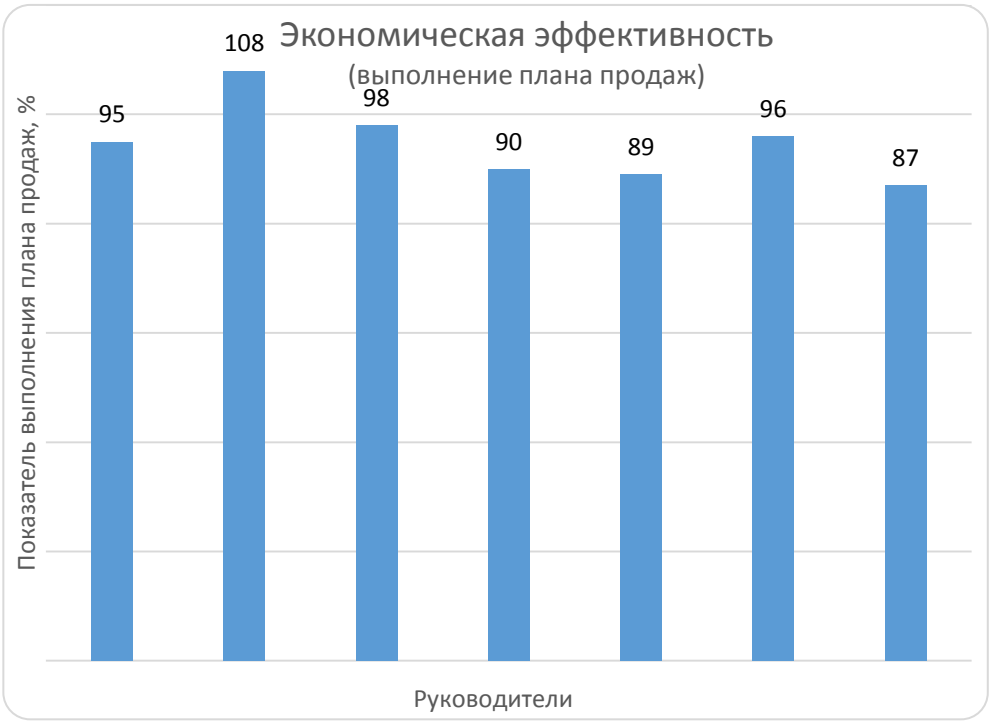

Рис. 2. Показатели выполнения плана продаж
по итогам первого квартала 2019 г.

В ходе исследования интегральной удовлетворенности трудом были получены следующие показатели:

1. Интерес к работе (max 6): самый высокий показатель (4,7) в группе № 3, самый низкий (3,81) в группах № 1 и 4, остальные показатели находятся в среднем диапазоне.

2. Удовлетворенность достижениями в работе (max 4): у всех групп данный показатель находится на высоком уровне. Исключение составляет группа № 1, где показатель равен 2,86 – это средняя удовлетворенность достижениями и самый низкий результат по группам.

3. Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками (max 6): у всех групп данный показатель относится к среднему уровню, наиболее высокая удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками у группы № 1 (4,95), что можно объяснить возможностью общаться. Что касается других групп, то сотрудники не взаимодействуют другом с другом из-за территориальной удаленности, хотя закреплены за одним руководителем.

4. Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством (max 6): практически во всех группах данный показатель низкий, при этом самая низкая удовлетворенность у группы № 7 (2,75). Исключение составляет группа № 3, в которой показатель равен 3,80.

5. Уровень притязаний в профессиональной деятельности (max 4): самый высокий показатель у группы № 3 (2,80).

6. Предпочтение выполняемой работы высокому заработку (max 4): максимальный показатель равен 2,33 в группах № 1 и 4; по остальным группам получены средние показатели.

7. Удовлетворенность условиями труда (max 4): самое высокое значение у группы № 1 (2,86); в остальных группах данный показатель на среднем уровне.

8. Профессиональная ответственность (max 2): самый высокий показатель у группы № 4 (1,33); в остальных группах данный показатель находится на среднем уровне.

9. Общая удовлетворенность трудом (max 28): самый высокий показатель удовлетворенности трудом выявлен в группе № 3 (19,5). Следует отметить, что руководитель данной группы, согласно классификации стилей руководства Блейка – Моутона, в наибольшей степени ориентирован на сотрудников. Самая низкая удовлетворенность трудом у группы № 7 (16,75). По методике управленческой решетки (см. рис. 1) руководитель данной группы не ориентирован ни на задачу, ни на сотрудников.

Для установления значимости и достоверности различия результатов диагностики стиля руководства, согласно решетке Блэйка – Моутона и удовлетворенности трудом в исследуемых группах менеджеров (разбивка по принадлежности к руководителю), нами использовался Н-критерий

Крускала – Уоллиса. Стилем управления обусловлены существенные различия в таком показателе психологической эффективности, как общая удовлетворенность трудом, а также различия в показателях экономической эффективности, выполнения плана продаж. Результаты исследования позволяют предположить, что в тех группах, где руководитель предпочитает стиль управления с большей направленностью на сотрудников, выше показатели удовлетворенности трудом (психологическая эффективность), а также выполнения плана продаж (экономическая эффективность).

Для анализа влияния показателей интегральной удовлетворенности трудом на экономические показатели группы нами использовался корреляционный анализ Спирмена. Данный метод позволяет определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя признаками или двумя профилями (иерархиями) признаков.

По результатам корреляционного анализа были выявлены следущие взаимосвязи:

удовлетворенность достижениями в работе $r = 0{,}279$;

удовлетворенность отношениями с сотрудниками $r = 0{,}480$;

удовлетворенность отношениями с руководителем $r = 0{,}303$ при $p < 0{,}05$ (принцип прямой взаимосвязи с показателем предпочтения выполняемой работы более высокому заработку: чем больше сотрудник удовлетворен своими достижениями, чем лучше у него отношения с коллегами и руководителем, тем выше нематериальная мотивация);

уровень притязаний в профессиональной сфере $r = 0{,}294$ при $p < 0{,}05$ и профессиональной ответственностью (принцип прямой связи: при повышении показателя одного из признаков повышается показатель другого признака). Чем выше уровень притязаний, чем сложнее цели и задачи ставит перед собой сотрудник, тем выше становится его ответственность за выполнение задач.

Между всеми шкалами методики удовлетворенности трудом существует взаимосвязь по принципу прямой связи, а именно:

интерес к работе $r = 0{,}298$;

удовлетворенность достижениями в работе $r = 0{,}493$;

удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками $r = 0{,}0495$;

удовлетворенность взаимоотношениями с руководителем $r = 0{,}503$;

уровень притязаний в профессиональной сфере $r = 0{,}427$;

предпочтение выполняемой работы высокому заработку $r = 0{,}368$;

удовлетворение условиями труда $r = 0{,}561$;

профессиональная ответственность $r = 0{,}269$ при $p < 0{,}05$ и высоком показателе общей удовлетворенности трудом, то есть чем выше удовлетворенность по каждой шкале, представленной в методике, тем выше общая удовлетворенность трудом. Чем выше показатель общей

удовлетворенности трудом, тем выше показатели психологической эффективности в группе.

Кроме того, результаты корреляционного анализа выявили взаимосвязь между экономическими показателя работы и следующими шкалами методики определения интегральной удовлетворенности трудом:

интерес к работе ($r = 0{,}242$ при $p < 0{,}05$) по принципу прямой связи (при повышении показателя одного из признаков повышается показатель другого признака, то есть чем выше интерес к работе, тем выше экономический показатель эффективности, выполнения плана продаж и других производственных задач);

уровень притязаний в профессиональной деятельности ($r = 0{,}223$ при $p < 0{,}05$) по принципу прямой связи, то есть при повышении показателя одного из признаков повышается показатель другого признака;

общая удовлетворенность трудом ($r = 0{,}308$ при $p < 0{,}05$) по принципу прямой связи (при повышении показателя одного из признаков повышается показатель другого признака).

Так, экономическая продуктивность групп во многом определяется их интересом к работе (чем выше интерес к выполняемой работе, тем выше показатели выполнения планов продаж и других производственных задач), уровнем притязаний в профессиональной сфере. Это свойство, характеризуемое сложностью задач, который ставит перед собой сотрудник. Если руководитель ставит перед сотрудником выполнимые задачи, а сотрудник адекватно оценивает свои силы, ставит цели, которые помогут ему в реализации этих задач, то это также приводит к высокой экономической эффективности.

Таким образом, стиль руководства, как устойчивая система средств, методов и приемов общения руководителя с членами коллектива, влияет на уровень психологической и экономической эффективности деятельности менеджеров по продажам. В отделе, где руководитель предпочитает стиль управления с большей направленностью на сотрудников, наблюдаются более высокие показатели удовлетворенности трудом (психологическая эффективность). Менеджерам по продажам, учитывая специфику их работы, а именно необходимость самоконтроля и самоорганизации, важно ощущать поддержку со стороны руководителя, а руководителям, в свою очередь, уделять внимание потребностям сотрудников. Такой стиль лидерства, построенный на «теплых» отношениях, может дать возможность ведущему менеджеру повысить личную заинтересованность сотрудников в конкретной работе и выполнении планов продаж, благодаря чему повысятся показатели экономической эффективности.

Библиографический список

1. Блейк Р., Моутон Дж. Научные методы руководства. Киев, 1992. 340 с.
2. Гиляровская Л.Т., Паневина С.Н. Комплексный анализ финансово-экономических результатов деятельности отдела продаж. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
3. Милюкова О.В. Профессиональная деятельность руководителя научно-исследовательской организации по формированию психологической управляемости коллектива: автореф. дис. … канд. псх. наук. Тверь, 2003. 24 с.
4. Психология: словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990. 494 с.

MANAGEMENT STYLE AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL AND ECONOMIC EFFICIENCY OF THE ACTIVITIES OF MANAGEMENT DEPARTMENTS

O.V. Milyukova

Tver State Technical University, Tver

The article analyses the results of the study of the relationship of management styles with performance indicators of professional activity of sales managers of banking products. A comprehensive assessment of the occupational effectiveness of a group can be made only if objective (economic) and subjective (socio-psychological) factors are taken into account. KPIs were used as economic factors in the study. Indicators of integral satisfaction with work were considered as a social and psychological factor. As a result of the data obtained, it was found that the highest indicators of economic and psychological efficiency of sales managers were revealed in groups where the manager followed the style with more focus on the needs of employees.

Keywords: *management style, managerial lattice, economic performance indicators, KPI, psychological effectiveness, job satisfaction, professional activities, sales managers, performance.*

Об авторе:

Милюкова Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: molga.77@mail.ru

Milyukova Olga Vyacheslavovna – PhD (Psychological Sciences), Assoc. Professor of Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: molga.77@mail.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 68–81

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 658.1 + 338.45

СИСТЕМНО-ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

А.А. Артемьев*, П.А. Кохно**

***** ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь
****** ФГУП «ВНИИ “ЦЕНТР”», г. Москва

© Артемьев А.А., Кохно П.А., 2020

В статье рассматривается политика пространственного развития России во взаимодействии с научно-технологической, промышленной и социально-экономической политиками. Политика пространственного развития в концентрированном виде выражена в соответствующей стратегии, которая в свою очередь отражает другие ведущие стратегии федерального уровня. Самым непосредственным образом политика пространственного развития определяет требования и приоритеты развития транспортной системы, прежде всего ее несущего и наиболее долговременного элемента – транспортной сети. Инновационная инфраструктура является важнейшей составляющей в создании условий для функционирования товарного рынка. Посредством инновационной инфраструктуры осуществляется трансферт информации, продуктов, технологий между всеми элементами инновационной системы. Придорожный сервис анализируется как составная часть сферы услуг, поскольку он находится на стыке таких видов деятельности, как транспорт, розничная торговля, туризм, бытовое обслуживание, техническое обслуживание, общественное питание.

Ключевые слова: *экономика, макроэкономическая политика, инновационное развитие, инфраструктура, пространственное развитие, транспортная система, товарный рынок, придорожный сервис.*

Рассмотрим, что представляет собой пространственное развитие экономики России. Под пространственным развитием в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [1] понимаются прогрессивные изменения в многомерной пространственной системе, которая вписана в природную среду и сформирована пространственными проекциями экономической, социальной и духовной деятельности общества, взаимосвязанными сетями управления и самоуправления. В связи с тем, что целостная пространственная парадигма развития только формируется, еще не сложилось единое понимание ее сути. Однако пространственное развитие больших систем, таких как транспортная или энергетическая системы страны и регионов, – реально существующий процесс, в котором системы пребывают на протяжении всего своего существования. Их воздействие на окружение получает наиболее адекватное выражение через пространственную парадигму.

Применительно к большим системам территориальных инфраструктур важнейшими чертами пространственной парадигмы выступают повышение размерности физического пространства, то есть освоение надземных и подземных горизонтов, а также многокритериальность развития на основе реализации эффектов различной природы, достигаемых проектами развития систем. Цель политики пространственного развития – формирование структурно сбалансированного пространства жизнедеятельности общества, ориентированного на социально-экономический и научно-технологический прогресс и наращивание ресурсно-технологического потенциала. Политика пространственного развития выступает в качестве *одной из* предметно-функциональных политик развития общества (в первую очередь, социально-экономического). Она должна выстраиваться в сопряжении с другими политиками развития – научно-технологической, промышленной и социально-экономической, с которыми формируются пересечения в виде некоторого набора политик второго (подчиненного) уровня (например, *системно-инфраструктурных* политик). Инфраструктурная политика, в частности транспортная, непосредственно закладывается при развитии транспортных и транспортно-технологических систем. Таким образом, в развитии этих систем находит отражение политика пространственного развития.

Основным инструментом реализации политики развития выступает стратегия. В широком понимании это не только конкретный принимаемый документ, но и основной метод проведения политики, требующий рассмотрения и принятия во внимание различных сценариев развития, в том числе связанных с диалектикой внешних и внутренних условий. После вступления в силу Закона РФ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» стало быстро увеличиваться число разработанных стратегий. К основным документам стратегического планирования федерального уровня относятся Научно-технологический прогноз развития на долгосрочный период, Прогноз социально-экономического развития на долгосрочный период, Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевые стратегии федерального уровня.

Стратегии развития систем материализуются через схемы их развития и программы как совокупности реализуемых проектов. Программно-проектный метод в настоящее время стал основой организации государственного регулирования развития производительных сил. Наряду со стратегиями федерального уровня разрабатываются стратегии для административно-территориальных единиц – как регионов, так и федеральных округов. К сожалению, накопленные и нерешаемые социально-экономические противоречия современной России превратили

управление ее экономикой в своеобразную «черную дыру». В этих условиях даже крупномасштабные затраты отдельных проектов и программ могут не гарантировать продвижения к высоким целям стратегий, а сами стратегии выступают лишь в качестве идеала, эталонного образа предстоящего развития, которое между тем фактически отодвигается все дальше в будущее. Реально проводимая экономическая политика блокирует целевое развитие, внося существенную негативную поправку в видение траектории развития систем.

В условиях роста числа стратегий и наличия стратегий у каждого региона страны встает проблема сопряжения смежных стратегий, в том числе стратегий для смежных регионов. Общая цель сопряжения – обеспечение согласованного эффективного развития территорий России различного типа в новой фазе экономического и технологического развития. При переходе к политике ускорения развития на основе новой индустриализации и формирования нового пространства экономического развития с эффективным трансфертом технологий, экспортно-ориентированным импортозамещением неизбежно должна меняться и роль территорий различного типа и уровня. Для оптимизации сравнительных преимуществ необходима эффективная специализация территорий и рациональная кооперация между ними. Становление механизмов специализации и кооперации территорий различного уровня – регионального, субрегионального, надрегионального – может служить критерием успешности и действенности принимаемой Стратегии пространственного развития России. Политика пространственного развития в концентрированном виде выражена в соответствующей стратегии, которая в свою очередь отражает другие ведущие стратегии федерального уровня. Самым непосредственным образом политика пространственного развития определяет требования и приоритеты развития транспортной системы, прежде всего ее несущего и наиболее долговременного элемента – транспортной сети. Однако приходится исходить из существования двух противоположных генеральных сценариев экономической политики.

Первый (назовем его пессимистическим) – продолжение по инерции неустойчивого догоняющего развития при расточительстве ресурсов, в том числе вследствие ориентации на прямые иностранные инвестиции, приводящие к оттоку капитала в международные офшоры. При этом сценарии практически не уменьшается экономическое расслоение отраслей национальной экономики. Это обусловлено тем, что экономическая система страны по существу не будет разделена с консервацией экономической и технологической отсталости одних отраслей при государственной модернизации других. Неизбежным следствием такого сценария становится продолжение экспорта сырья и импорта наукоемкой потребительской и инвестиционной продукции.

Воздействие этого сценария на транспортную сеть состоит в перераспределении ресурсов ее развития в пользу непропорционального усиления международных транзитных коридоров. В связи с тем, что экспорт имеет грузоемкий характер, такой сценарий означает опережение роста грузооборота по отношению к экономическому росту и повышенные инвестиции в обеспечение транспортных вводов в ресурсодобывающих регионах для их вовлечения в международный оборот. Этот спонтанно осуществляемый сценарий не позволяет реализовать многие цели Транспортной стратегии России, в частности не обеспечивает снижения транспортной нагрузки на экономику.

Второй генеральный сценарий (оптимистический) реализуется при условии задействования всех доступных экономических и политических рычагов для перехода к развитию отечественных производственных комплексов, к расширению сектора трансферта технологий. Такой сценарий диктует необходимость обеспечения эффективного транспортно-логистического обслуживания все более широкого круга грузовых перевозок и обеспечит снижение транспортной нагрузки на экономику.

Топология развиваемой железнодорожной транспортной сети вследствие реализации этого сценария будет ориентирована на формирование большой транспортной решетки, когда в числе приоритетов окажутся параллельные имеющимся ходам линии и снизится концентрация транспортных потоков на имеющихся в настоящее время главных ходах [2]. Для этого придется увеличить долю ресурсов развития транспортной системы на освоение потоков, зарождающихся и погашаемых на территориях и участках сети вне главных и в настоящее время загруженных ходов. В последние годы набирает известность инициатива Мегапроекта Транс-Евразийского пояса развития и Интегральной евразийской транспортной системы, которая предполагает создание трех транспортно-логистических комплексов (ТЛК) между Европой и Азией, а именно: высокоскоростной транспортной сети, ТЛК портовой инфраструктуры Северного морского пути и инновационного ТЛК безаэродромных транспортных средств большой грузоподъемности с инфраструктурой быстровозводимых взлетно-посадочных полос (площадок) для малой и безаэродромной авиации [3].

По замыслу разработчиков в пространственном аспекте Мегапроект должен стать связующим звеном с использованием в качестве международного транспортного коридора территории России между азиатскими и европейскими странами, что вполне укладывается в идеологию формирования международных евроазиатских транспортных коридоров, разработанную ЕС еще в 1990-е гг. и принятую транспортным ведомством РФ. Принципиальное отличие Мегапроекта состоит в резком возрастании государственной доли в финансировании проектов – с 25 до

75–100 %, что требует гораздо более тщательной проработки всех аспектов Мегапроекта. С одной стороны, важен уже сам факт возвращения к проектно-стратегическому мышлению. В основных положениях концепции заявляется о попытке создания в общенациональном масштабе проекта развития на основе теории больших транспортных систем, которая базируется на наиболее адекватной масштабам замысла сетецентрической инфраструктурной политике и модели Мегапроекта, предполагающей мультимодальную интеллектуальную систему самоорганизующихся центров создания транспортных услуг. При этом предполагается, что Мегапроект решит двуединую инфраструктурную задачу – создать наиболее эффективный высокотехнологичный транзит, обслуживающий в глобальном масштабе транспортные потоки между странами АТР и Европой и интегрирующий при этом возможности различных видов транспорта, а также освоить в транспортном отношении обширные территории Сибири, Дальнего Востока и Российской Арктики.

В этом отношении инициативы подобных проектов работают, казалось бы, на оптимистический сценарий, так как используются идеи новейших технологических укладов, и в случае успеха страна могла бы получить колоссальный выигрыш от глобального задействования своего пространственного ресурса. Однако, с другой стороны, нельзя недооценивать стратегические риски. Основную часть (до 90 %) требуемых инвестиций (порядка 10 трлн руб.) предполагается направить на сплошной транзитный высокоскоростной железнодорожный коридор, и в случае его ввода в эксплуатацию достижение на его основе всех заявленных стратегических целей станет возможным лишь при исключении зависимости от импорта техники и технологии – как в самих создаваемых системах, так и в оборудовании, необходимом для их производства. Поэтому при разработке и оценке крупных проектов развития необходимо закрепить как важнейшее условие их осуществления опору на отечественную науку и технику, согласование крупнейших транспортных проектов не только с отраслевой (транспортной) стратегией, но и с национальной стратегией научно-технологического развития. В этом и только в этом случае переход к программам реализации Мегапроекта может дать соразмерный его огромным масштабам еще и косвенный, нетранспортный эффект, создавая благоприятную среду для развития отечественных высокотехнологичных производств, запросов для фундаментальной и прикладной науки. В этом состоит и условие полного задействования мультипликативного эффекта, порождаемого предусмотренными инициаторами Мегапроекта автономными инвестициями. Таким образом, оптимальной стратегией реализации крупнейших транспортных проектов, основанных на новых технологиях, представляется непосредственное сопряжение строительства его объектов и

комплексов с ходом и темпами развития российской промышленности в части ее возможности создавать и воспроизводить ключевые виды технических средств, требуемых проектами.

Структурно-логическая схема элементов инновационной инфраструктуры товарного рынка

Основное предназначение товарного рынка – это эффективное доведение товара от производителя до потребителя при помощи посредников. В экономической литературе совокупность таких организаций обозначается понятием «рыночная инфраструктура». Существует два основных подхода к определению категории «инфраструктура». В широком смысле под инфраструктурой понимается совокупность всех материально-технических условий, без которых нормальное функционирование актов купли-продажи становится невозможным. Отождествление инфраструктуры со всей совокупностью технологического оборудования приводит к усложнению аналитических моделей и снижает научную достоверность исследования. Согласно узкому подходу под инфраструктурой понимается система организаций, адекватных рыночному механизму. Таким образом, инфраструктура товарного рынка включает в себя совокупность вспомогательных видов деятельности субъектов, участвующих в эффективном доведении товаров от производителя до конечного потребителя.

2. Важнейшей составляющей в создании условий для функционирования товарного рынка является инновационная инфраструктура. Это совокупность инновационных объектов, осуществляющих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение эффективного функционирования товарного рынка. Действенным способом обеспечения положительной динамики количественных и качественных показателей функционирования товарного рынка является создание объектов инновационной инфраструктуры. Увеличение количества объектов способствует развитию партнерских отношений государства и частного сектора. В государственно-частном партнерстве по созданию объектов инновационной инфраструктуры можно выделить такие направления деятельности, как координация и регулирование процесса создания инновационного предприятия, стимулирование инвестиций в инновации, информационное обеспечение инновационной деятельности, производственно-технологическая поддержка создания конкурентоспособной наукоемкой продукции, сертификация продукции, подготовка кадров для управления реализацией инновационных проектов и др.

3. Объектами инновационной инфраструктуры товарного рынка являются инновационные организации (предприятия). В основу их классификации могут быть положены следующие признаки:

специализация (создание конкретных видов продукции, технологий, ресурсов);

тип преобладающих инноваций (инновационные лидеры, которые создают основные, дополнительные и частичные инновации; внедряют новые поколения технологии; способствуют формированию новых потребностей общества);

программно-целевой принцип создания (постоянные и временные объекты).

Взаимосвязанными элементами в инфраструктуре инновационной деятельности являются производственная, социально-сбытовая, институциональная, экологическая, информационная деятельность [4–6]. В рамках развития инновационной производственной инфраструктуры целесообразно акцентировать внимание на развитии транзитного и туристического потенциала. Для повышения транзитного потенциала России и Союзного государства Беларуси и России необходимо модернизировать транспортную инфраструктуру, создать необходимую институциональную базу для стимулирования транзита и повышения качества услуг. Основными задачами на данном направлении будут развитие и модернизация дорог, формирующих международные транспортные коридоры № 2 и 9; развитие сети транспортно-логистических центров; модернизация и увеличение подвижного состава; внедрение современных подходов и IT-систем контроля, мониторинга и управления грузопотоками; размещение на таможенных пунктах пропуска необходимой инфраструктуры.

Социально-сбытовая инфраструктура включает в себя ряд элементов, необходимых для эффективного функционирования товарного рынка. Это современная банковская и биржевая системы, позволяющие добиться минимизации транзакционных расходов за счет максимальной концентрации услуг; система контрагентов, обеспечивающая эффективное доведение товаров до конечных потребителей; страховая система, способствующая минимизации широкого спектра коммерческих рисков. Институциональная инфраструктура предполагает внедрение системы электронного правительства, отказ от бумажного документооборота на всех уровнях системы управления государством, внедрение элементов мониторинга основных экономических показателей. Экологическая инфраструктура состоит из очистных сооружений, дамб, заповедников и заказников, предназначенных для охраны окружающей среды. Экологическая инфраструктура активно развивается в условиях смены технологических укладов, когда меняются способы производства

продукции, появляется возможность формирования безотходного производственного процесса на основе конвергенции окружающей среды и технических достижений.

Информационная инфраструктура состоит из совокупности информационных центров, подсистем, банков данных и знаний, электронных библиотек, систем информационно-математического моделирования, систем специальных когнитивных средств (интеллект-карты). Интеграция элементов информационной инфраструктуры в систему товарного рынка обеспечивает повышение качества управления за счет изменения технологии поиска и использования актуальной, профессионально-значимой информации. Применение в коммерческой деятельности средств автоматизации бизнес-процессов позволит ликвидировать бумажный документооборот на предприятиях, грамотно распределить временные ресурсы, повысить качество маркетинговых исследований товарного рынка. Основу информационной инфраструктуры создает система информационно-когнитивного моделирования как постоянно обновляемая метасистема для сбора, обработки, накопления, представления и усвоения данных, информации и знаний применительно к некоторой предметной области. В настоящее время данная метасистема может быть расширена за счет элементов дополненной реальности.

Основными принципами развития инновационной инфраструктуры являются:

эквивалентность (границы внедрения инноваций определяются исходя из действующего способа производства и технологического уклада);

равномерность (размещение объектов инфраструктуры зависит от структуры ВВП страны);

сопряженность (элементы инфраструктуры должны соответствовать обслуживаемым ею видам экономической деятельности);

системность (все элементы инфраструктуры связаны с уровнем экономического развития общества, зависят от множества факторов, в том числе от покупательной способности населения).

Региональная специфика элементов инновационной инфраструктуры реализуется посредством дополнительных принципов:

максимальная концентрация обслуживания (инфраструктурные комплексы должны включать в себя широкий спектр услуг);

рентабельность (размер и специализация инфраструктурного объекта должны обеспечивать наибольшую прибыль в сопоставимых ценах);

рыночная конкуренция (должны быть конкурирующие объекты инфраструктуры);

экономичность (стоимость и срок предоставления оказываемых услуг оптимизируются через сокращение доли ручного труда и внедрение современных информационных технологий);

пропорциональность (учет количества объектов социальной инфраструктуры в определенном регионе);

резервирование (планируется максимальный объем оказываемых услуг);

доступность (инфраструктурные объекты должны быть максимально приближены к месту возникновения потребности в услугах);

гибкость (должна быть возможна трансформация объектов инфраструктуры исходя из потребностей рынка).

При комплексном стимулировании развития инновационной инфраструктуры должны быть реализованы следующие направления макроэкономической политики:

стимулирование роста основных показателей инновационной деятельности предприятий и, как следствие, уменьшение зависимости деятельности предприятий от экономической конъюнктуры;

повышение производительности труда за счет внедрения наукоемких технологий и максимальной автоматизации коммерческих бизнес-процессов;

поддержка структурных изменений в экономике в направлении увеличения доли сферы услуг как наиболее перспективной в условиях зависимости нашей страны от давальческого сырья;

улучшение качества жизни населения за счет внедрения инноваций в сферу образования, здравоохранения, ЖКХ.

Важнейшей задачей инновационной инфраструктуры товарного рынка является стимулирование создания и развития производств на основе передовых технологий, увеличение числа рабочих мест и объема экспорта. Государственным приоритетам развития экономики соответствуют задачи развития системы венчурного финансирования, создание центров трансферта технологий, инновационных центров и других объектов инновационной инфраструктуры.

Посредством инновационной инфраструктуры осуществляется трансферт информации, продуктов, технологий между всеми элементами инновационной системы. В связи с этим создание таких объектов инновационной инфраструктуры, как центры трансфера технологий, технопарки, технополисы, имеет первостепенное значение. Центры трансферта технологий – это организации, способствующие коммерциализации новшеств, полученных с использованием средств государственного бюджета. Целями деятельности комплекса трансферта являются создание условий для коммерциализации новшеств; управление интеллектуальной собственностью и ее охрана (под интеллектуальной собственностью

понимаются авторские права, смежные права, средства индивидуализации – товарный знак, фирменное наименование, наименование места происхождения товара, доменное имя, секреты производства (ноу-хау)). Основными формами защиты интеллектуальной собственности являются патентирование и лицензирование. Среди дополнительных форм защиты выделяют копирайт (право на воспроизведение), брендирование и др. [7–9].

Инновационные центры – это научно-технологические комплексы, занимающиеся разработкой инноваций. В составе инновационных центров могут быть технопарки, технополисы, центры трансферта технологий. Технопарки – это комплексы, функционирование которых основано на конвергенции научно-технической деятельности и бизнеса. Технологические парки имеют сложную организационную структуру. В них входят промышленные предприятия, консалтинговые, инжиниринговые и аудиторские компании, исследовательские лаборатории, опытно-производственные фирмы, фирмы венчурного финансирования и др. Технопарки решают важнейшие задачи: создают новые рабочие места, способствуют структурной перестройке экономики и переходу к новым технологическим укладам. Технополисы представляют собой сложные комплексы – города с развитой инфраструктурой. В состав технополисов входят технопарки, бизнес-инкубаторы, учреждения и коммерческие организации, охватывающие полный жизненный цикл инновации. Формирование технополиса возможно только на основе принципов экономической целесообразности. Технополисы – перспективная форма государственно-частного партнерства для России при условии применения мер финансовой и нефинансовой поддержки со стороны государства (например, в форме венчурного финансирования).

Венчурное финансирование заключается в предоставлении организациям венчурного капитала для реализации инновационных рисковых проектов в обмен на соответствующую долю в уставном фонде. Для эффективного развития системы венчурного финансирования необходимо расширить правовую базу, значительно увеличить количество субъектов инвестирования, развивать фондовый рынок. Такое партнерство предполагает гармоничное сочетание элементов исследовательских организаций, высших учебных заведений, предприятий промышленности, коммерческих структур, а также местных органов власти. Поэтапное стимулирование развития инновационной инфраструктуры должно повлиять на снятие ключевых ограничений, препятствующих развитию рынка инноваций в России, ликвидировать неравномерность развития и размещения объектов; устранить неразвитость рынка инвестиций; уменьшить дефицит собственных оборотных средств предприятий;

расширить возможности налогового льготирования инновационных проектов.

Долгосрочные цели развития рынка инноваций в России тесно связаны с развитием транзитного и экспортного потенциала; повышением качества товаров и услуг; формированием системы глобальных коммуникаций для предприятий-экспортеров; уменьшением себестоимости товаров за счет внедрения инновационных ресурсосберегающих технологий и др.

Система инновационных рычагов включает в себя следующие элементы:

сокращение времени на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР);

оптимизацию расходов;

комплексное внедрение инноваций;

высокую прибыльность;

межфирменное сотрудничество и кооперацию.

Сокращение времени на НИОКР позволит существенно снизить инфраструктурные расходы, уменьшить себестоимость и срок окупаемости, что положительно повлияет на общий уровень доходности проекта [10–12]. Высвободив ресурсы и оборудование, сократив расходы, предприятие получает возможность реализовывать сразу несколько инновационных проектов, не выходя за рамки ранее утвержденного бюджета. Таким образом, компания постоянно модернизирует свои основные средства.

Инновационные компании получают более высокие прибыли, так как они экономят ресурсы при разработке товаров. Чем короче жизненный цикл инновационного продукта, тем выше премия к его цене. Инновационные компании имеют возможность продвигать свои товары одновременно на нескольких сегментах рынка и использовать разные каналы распределения. Постоянное внедрение инноваций является важнейшим фактором конкурентоспособности страны. В процессе совершенствования рыночной модели экономики приоритетное внимание должно быть уделено развитию технологий пятого и шестого укладов, активизации инновационной деятельности, созданию новых технологических схем и перестройке на современной научно-технической основе всех видов хозяйственной деятельности.

Опыт экономически развитых стран показывает, что победителем в конкурентной борьбе за рынки сбыта оказывается тот, кто строит свою деятельность на основе государственно-частного партнерства и главной целью стратегического плана ставит создание объектов инновационной инфраструктуры. При этом государственно-частное партнерство в области создания объектов инновационной инфраструктуры необходимо

реализовывать там, где это дает наибольшие экономические, экологические и социальные выгоды. *Экономические выгоды:* интенсификация развития инновационной инфраструктуры для ускоренного перехода к пятому и шестому технологическим укладам; повышение конкурентоспособности предприятий за счет использования инноваций, привлечение инвестиций в наукоемкое производство. *Экологические выгоды:* снижение уровня загрязнения, использование вторичных ресурсов, сохранение и восстановление природных комплексов; пропаганда социальной ответственности бизнеса, повышение экологической мотивации бизнеса в области инновационных проектов. *Социальные выгоды:* создание новых рабочих мест, появление дополнительных источников дохода для населения, повышение уровня и качества жизни.

Основными социально-экономическими приоритетами развития инновационной инфраструктуры товарного рынка в рамках государственно-частного партнерства являются:

стимулирование увеличения объектов инновационной инфраструктуры, необходимых для снижения транзакционных расходов, при условии обеспечения устойчивости процессов обмена, сохранения рыночного равновесия спроса и предложения;

повышение конкурентоспособности отечественных предприятий на глобальном рынке (повышение качества товаров и услуг; обеспечение энергетической независимости за счет использования передовых технологий шестого технологического уклада: ядерной энергетики, фемтотехнологий);

поддержка структурных изменений экономики, в частности развития сферы услуг;

поощрение инновационной активности субъектов хозяйствования с помощью государственных закупок, субсидирования исследований и разработок в частном секторе, строительства востребованных объектов инновационной инфраструктуры.

В современных условиях перед Россией стоят конкретные задачи по стимулированию развития инновационной инфраструктуры, созданию центров трансфера технологий, технопарков, центров поддержки предпринимательства в регионах. За счет оптимального размещения объектов инновационной инфраструктуры на территории РФ и Союзного государства Беларуси и России возможно обеспечить энергетическую независимость предприятий, стимулировать улучшение благосостояния граждан Беларуси за счет создания новых рабочих мест. Использование инструмента государственно-частного партнерства при создании объектов инновационной инфраструктуры на основе принципов эквивалентности, равномерности, сопряженности и системности поможет уменьшить транзакционные расходы и увеличить конкурентный потенциал экономической системы.

Библиографический список

1. Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. М., 2016. С. 26–29. URL: http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата обращения: 15.11.2019).
2. Кохно П.А., А.А. Артемьев, Ю.И. Енин. Технологические платформы кластерного развития: монография / отв. ред. д.э.н. проф. П.А. Кохно. Тверь: ТвГУ, 2019. 286 с.
3. Кохно П.А. и др. Евразийская индустриально-инфраструктурная интеграция: монография / П.А. Кохно, А.П. Кохно, Ю.И. Енин, С.А. Карпов; отв. ред. д.э.н. проф. П.А. Кохно. М.: Граница, 2019. 312 с.
4. Кохно П.А., Кохно А.П., Лясников Н.В. Прогрессирующая экономика: монография: в 3 т. / отв. ред. П.А. Кохно. Т. 1. Инновации. М.: РУСАЙНС, 2019. 202 с.
5. Артемьев А.А., Кохно П.А. Факторы, показатели и модели инновационной экономики и экономическая безопасность страны // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 2 (17). С. 75–84.
6. Кохно П.А., Кохно А.П. Модели и инструментальные методы корпоративного управления отраслевыми компаниями // Общество и экономика. 2019. № 1. С. 19–32.
7. Кохно П.А., Родина Е.А. Инновационное развитие промышленного предприятия с учетом деловой репутации // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2016. № 1. С. 27–37.
8. Кохно П.А., Родина Е.А. Бренд в контуре деловой репутации промышленного предприятия // Научное обозрение. 2016. № 2. С. 120–126.
9. Кохно П.А., Родина Е.А. Менеджмент успешности: монография / отв. ред. д.э.н. проф. Кохно П.А. М.: ИТД «Перспектива», 2016. 308 с.
10. Кохно П.А., Кохно А.П., Ситников С.Е. Показатели и модели оценки эффективности государственного финансирования исследований и разработок // Общество и экономика. 2017. № 5. С. 39–70.
11. Кохно П.А., Изгалиева К.С. Управление НИОКР в интересах достижения цели инвестиционного проекта // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2017. № 1. С. 80–93.
12. Артемьев А.А., Кохно П.А. Глобальные тренды экономического развития // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 3 (18). С. 85–94.

SYSTEM AND INFRASTRUCTURE POLICY OF RUSSIA

A.A. Artemyev*, P.A. Kokhno**

*Tver State Technical University, Tver
** All-Russian Research Institute CENTR, Moscow

In article the policy of spatial development of Russia in interaction with scientific and technological, industrial and social and economic politicians is considered. The policy of spatial development in the concentrated look is expressed in the corresponding strategy which in turn reflects other leading strategy of federal level. Directly the policy of spatial development defines

requirements and priorities of development of the transport system, first of all it the bearing and most long-term element – transport network. Innovative infrastructure is the major component in creation of conditions for functioning of commodity market. By means of innovative infrastructure the transfer of information, products, technologies between all elements of an innovative system is carried out. Roadside service as a services sector component as it is on a joint of such types of activity as transport, retail trade, tourism, consumer services, maintenance, public catering is analysed. Level of social and economic development of the territory is also an important factor in placement of points of roadside service.

***Keywords**: economy, macroeconomic policy, innovative development, infrastructure, spatial development, transport system, commodity market, roadside service.*

Об авторах:

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Кохно Павел Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор аспирантуры ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР», Москва. E-mail: pavelkohno@mail.ru

Artemyev Alexey Anatolyevich – PhD (Economical Sciences), Professor, the Vice Rector for Scientific and Innovative Activity, Tver State Technical University, Tver. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Kokhno Pavel Anatolyevich – PhD (Economical Sciences), Professor, Professor of Aspirantury of All-Russian Research Institute CENTR, Moscow. E-mail: pavelkohno@mail.ru

УДК 331.1

МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ТРУДА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Н.Н. Орлова

Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Орел

© Орлова Н.Н., 2020

Исследуется проблема эффективности труда научно-педагогического персонала образовательных организаций высшего образования. Автор отмечает, что формирование постиндустриального общества, сопровождающееся усилением глобальной конкуренции, в том числе на рынке образования, актуализирует указанную проблему. В результате анализа

определяется необходимость управления эффективностью труда научно-педагогических работников вузов.

Ключевые слова: *управление персоналом, управление эффективностью труда персонала, механизм управления производительностью труда персонала, механизм управления эффективностью и результативностью труда научно-педагогических работников.*

Становится очевидным тот факт, что ни одна организация не сможет добиться успеха без эффективного управления ее ресурсами. Важнейшей составляющей ресурсного потенциала любой организации является ее персонал. В этой связи необходимым звеном системы управления является управление персоналом, представляющее собой деятельность по обеспечению организации качественным персоналом, способным к выполнению определенных трудовых функций, и его оптимальное использование.

Управление персоналом направлено на решение основных задач, стоящих перед организацией в данной области. В числе таких задач обеспечение организации высококвалифицированными сотрудниками и их удержание в ней. Актуально формирование лояльности персонала, представляющее собой идентификацию работника с организацией, разделение им ее целей и ценностей. При этом наиболее важной задачей является обеспечение эффективности деятельности персонала организации. Важность данной задачи объясняется тем фактом, что эффективность труда персонала лежит в основе эффективности функционирования любой организации. Управление эффективностью бизнеса предполагает управление такими ее составляющими, как эффективность персонала, результаты бизнеса, этика результативности (рис. 1). При этом управление эффективностью персонала означает управление процессами и стимулами, используемыми организацией для достижения максимальной отдачи от сотрудников [2]. В современной трактовке управление эффективностью деятельности персонала выступает как инструмент достижения стратегических целей организации посредством качественного решения задач отдельными сотрудниками в рамках своей должности и группами [3].

Актуальность проблемы управления эффективностью труда научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования обусловлена формированием постиндустриального общества и усилением в связи с этим глобальной конкуренции, в том числе на рынке образования. Ведущей отраслью постиндустриального общества становится сфера услуг, лимитирующим фактором – информация, господствующей социальной группой – собственники информации [4; 5]). Образование и наука превращаются в таком обществе в основные

источники экономического роста. Особый статус приобретают работники интеллектуального труда, к которым относится и научно-педагогический персонал вузов. В таких условиях эффективность их труда становится важнейшим фактором развития системы высшего образования, модернизации национальной экономической системы. Характерной чертой постиндустриального общества является рост численности высших учебных заведений, ведущий к обострению конкуренции между ними. Названные процессы сопровождаются повышением требований к качеству образовательных услуг как со стороны абитуриентов / обучающихся, так и со стороны государства и бизнеса. Залогом выживания в конкурентной борьбе образовательных организаций высшего образования становится эффективность труда их научно-педагогического персонала.

Рис. 1. Элементы управления эффективностью бизнеса [2; 6]

Для управления эффективностью труда научно-педагогических работников используется механизм, представляющий собой совокупность способов воздействия на ее уровень со стороны менеджмента образовательной организации. Категория механизма управления в системе

управления производительностью труда появилась во второй половине XX в. и была представлена, в том числе, в работах Л.И. Абалкина [1]. На наш взгляд, под механизмом управления производительностью труда следует понимать совокупность организационных, экономических, правовых, мотивационных и прочих инструментов, посредством которых осуществляется целенаправленное воздействие управляющей системы на управляемую. Его базисная структура представлена на рис. 2.

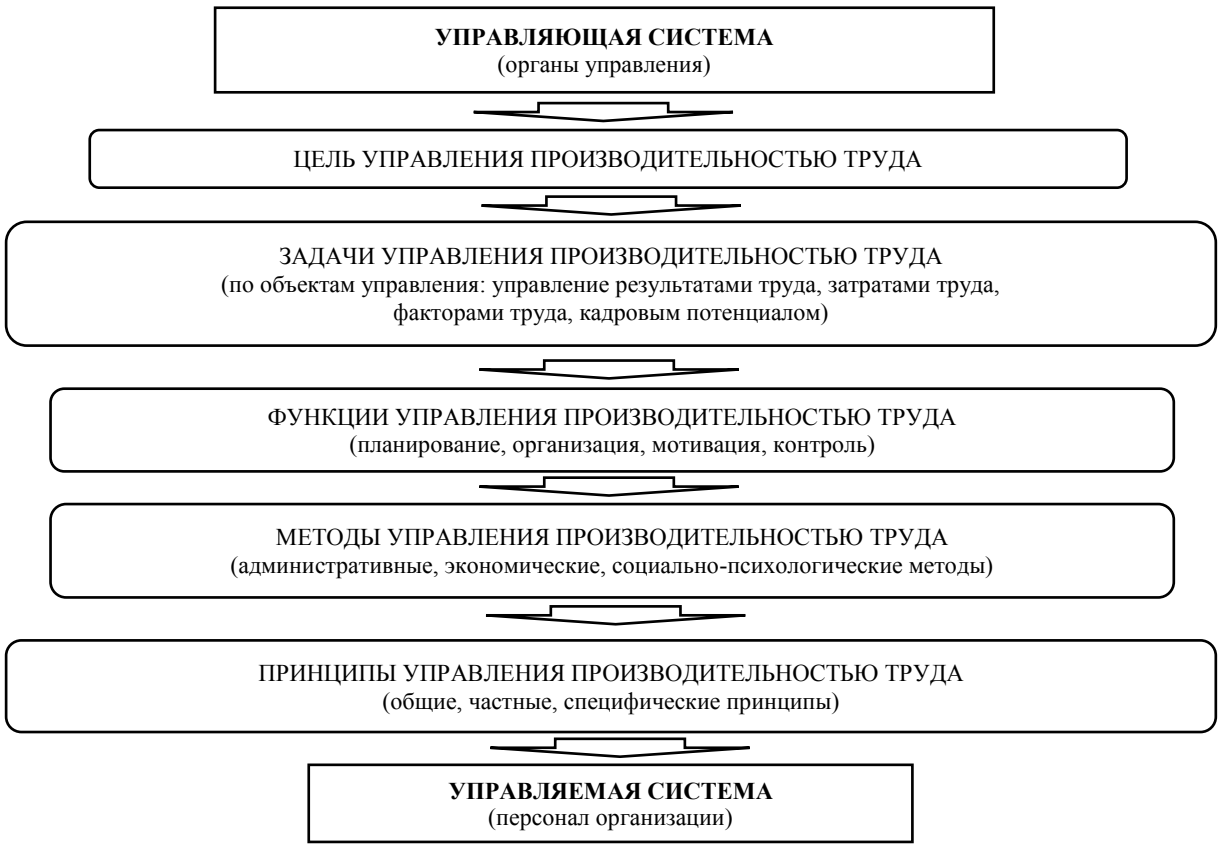

Рис. 2. Базисная структура механизма управления производительностью труда в организации

Категория эффективности труда является более широкой в сравнении с понятием его производительности. Производительность труда следует рассматривать как показатель эффективности трудовой деятельности. Эффективность представляет собой относительный показатель, измеряющий соотношение между достигнутыми / ожидаемыми результатами деятельности и затратами, потребовавшимися для его достижения. Итальянский социолог и экономист В. Парето внес большой вклад в развитие теории эффективности. Он сформулировал критерий эффективности, в соответствии с которым «всякое изменение, которое никому не приносит убытков, а некоторым людям приносит пользу (по их

собственной оценке), является улучшением». Ученый отмечал, что для достижения 80 % желаемого результата (эффекта) требуется 20 % усилий (времени, ресурсов и т.п.) [6].

Любая система, в том числе и система управления эффективностью труда научно-педагогических работников, ориентирована на достижение определенной цели. Целевое управление позволяет ориентировать деятельность организации на их достижение. Целью системы управления эффективностью труда научно-педагогических работников является достижение нормативных или более высоких показателей образовательной и научной деятельности. Достижение целей системы управления становится возможным после решения поставленных перед этой системой задач. Задачи управления формулируются исходя из объектов управления (управление результатами труда, управление затратами труда, управление кадровым потенциалом, управление факторами труда). Структура организационно-экономического механизма управления эффективностью труда научно-педагогических работников представлена на рис. 3.

Управление эффективностью труда научно-педагогических работников осуществляется посредством функций управления (планирования, организации, мотивации и контроля). Функции управления реализуются посредством методов управления (административных, экономических и социально-психологических). Принципы управления (общие, частные и специфические) лежат в основе управления эффективностью труда научно-педагогических работников.

Система управления эффективностью труда способствует совмещению интересов организации и работников. Первой она позволяет эффективнее контролировать основные показатели своей деятельности, а вторым предлагает четкие правила игры (сотрудник знает, чего от него ждет компания, и понимает, как он может способствовать увеличению своего дохода). Управление деятельностью персонала не является разовым мероприятием, реализуемым на какой-то одной стадии управленческого цикла. Напротив, оно представляет собой непрерывный воспроизводящийся процесс. Основыванная на регулярной оценке персонала система управления эффективностью является базой кадровой политики. Управление эффективностью вносит свои положительные качества в работу персонала и компании в целом и является одним из важнейших элементов управления.

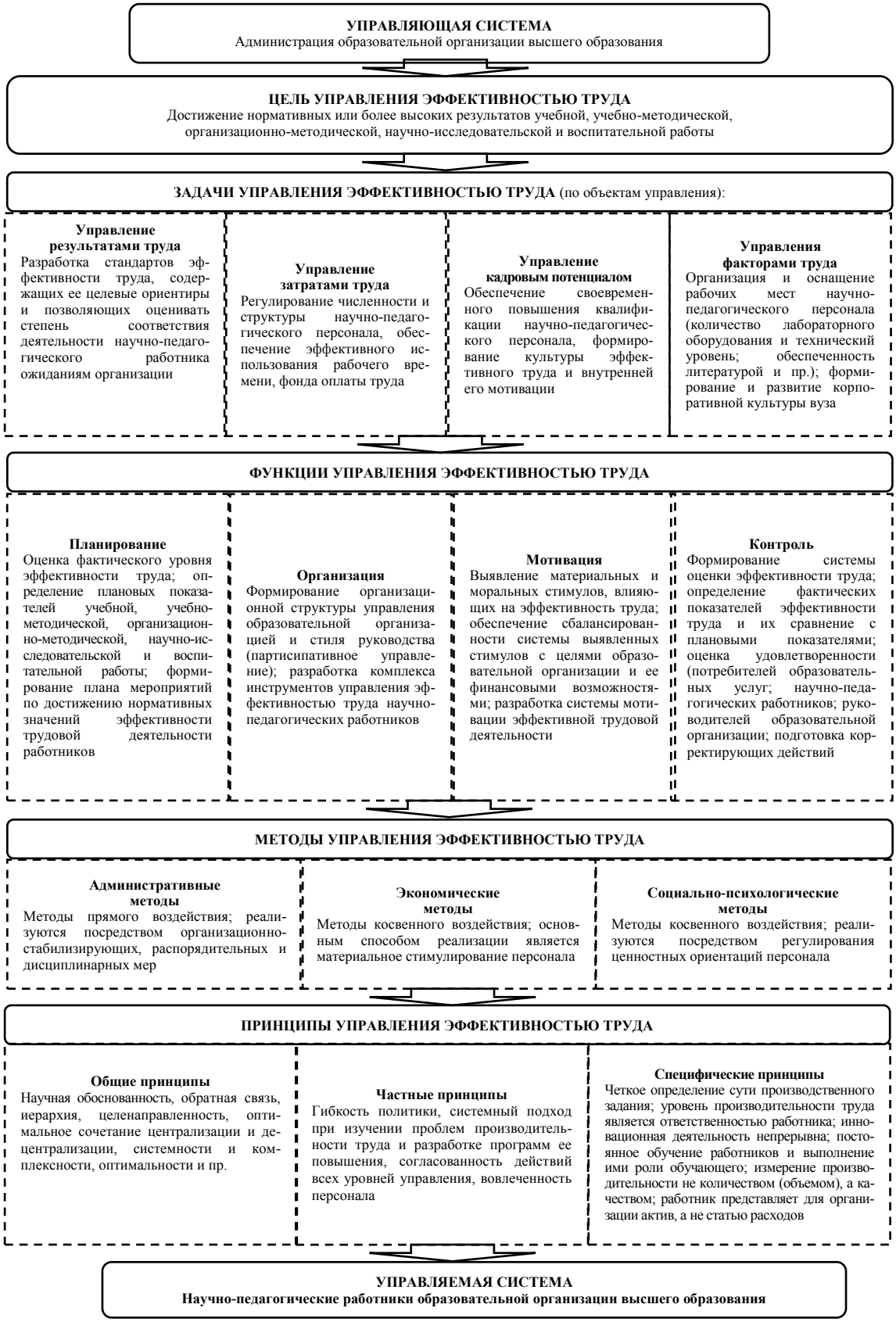

Рис. 3. Структура организационно-экономического механизма управления эффективностью труда научно-педагогических работников

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Экономика, 1973. 263 с.
2. Бугров Д. Метрика эффективности // McKinsey & Company. URL: http://vestnikmckinsey.ru/operations/metrika-ehffektivnosti/Print (дата обращения: 05.12.2019).
3. Орловская О.В. Управление эффективностью работы персонала в системе управления крупной компанией // Вестник ОГУ. 2008. № 6 (88). С. 43–49.
4. Рудакова О.В., Полянин А.В., Кузнецова Л.М. Россия на рынке международного образования: мировые рейтинги // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 285–293.
5. Рудакова О.В., Полянин А.В., Марченкова Л.М. Современное состояние и основные тенденции развития мирового рынка образовательных услуг // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 3 (33). С. 102–108.
6. Система управления эффективностью персонала: методическое пособие // Консалтинговая группа BI TO BE. URL: https: //www.bitobe.ru/tpl/docs/pdf /upravlenie_effektivnistiyu_personala.indd.pdf (дата обращения: 05.12.2019 г.).

LABOR EFFICIENCY MANAGEMENT MECHANISM SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL WORKERS

N.N. Orlova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel

The problem of efficiency of work of scientific and pedagogical staff of educational organizations of higher education is investigated. The author notes that the formation of a post-industrial society, accompanied by increased global competition, including in the education market, actualizes this problem. As a result of the analysis, the need to manage the efficiency of work of scientific and pedagogical workers of universities is determined.

Keywords: *personnel management, personnel efficiency management, mechanism for managing personnel productivity, mechanism for managing the efficiency and effectiveness of labor of scientific and pedagogical workers.*

Об авторе:

Орлова Нелли Николаевна – аспирант 4-го курса направления подготовки 38.06.01 «Экономика» Среднерусского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Орел. SPIN-код: 6336-7979. E-mail: director@tver.ranepa.ru

Orlova Nelly Nikolaevna – PhD Student of Orel Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel. E-mail: director@tver.ranepa.ru

Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2020. № 1 (20). С. 88–91

УДК 371.136

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В.А. Липатникова, Д.Д. Шапкина, С.В. Розова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Липатникова В.А., Шапкина Д.Д, Розова С.В., 2020

В статье представлены варианты стратегического планирования, заимствованные из коммерческой деятельности, по совершенствованию управления качеством образовательных услуг на муниципальном уровне.

Ключевые слова: *управление качеством образования, стратегическое планирование, муниципальный уровень.*

Современный мир отличается постоянной динамикой развития во всех сферах. В связи с этим возникает необходимость развития управления в разных сферах на муниципальном уровне, что осуществляется посредством управления на местах с учетом фактора зависимости от мнения населения. Качество образовательных услуг также должно повышаться и соответствовать прогрессивному мировому развитию.

Научная новизна исследования состоит в том, что государственное управление качеством образования впервые рассматривается в аспекте стратегического планирования, по критериям, заимствованным из коммерческого опыта.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ предлагает рассматривать образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также как совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [2].

Кроме того, данный закон закрепляет и такое понятие, как качество образования, рассматриваемое как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося. При этом основными критериями оценки качества образования выделяют [2]:

степень соответствия федеральным государственным образовательным стандартам и требованиям;

удовлетворение потребностей физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность.

Управление образованием осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном [1].

Основные полномочия органов местной власти в вопросах управления образованием [2]:

1) организация и предоставление всех видов образования, за исключением высшего, на бесплатной основе,

2) предоставление дополнительного образования в муниципальном округе,

3) создание благоприятных условий обучения,

4) создание и ликвидация образовательных организаций местного значения,

5) учет обучающихся.

Управление качеством образования – интегральный процесс [7], который принято рассматривать как целенаправленную деятельность по обеспечению заданного качества образования в ходе функционирования муниципальной образовательной системы [5]. Для повышения качества образования на муниципальном уровне возникает необходимость определения показателей эффективности.

Управление качеством образования направлено на сохранение адекватного уровня образованности в муниципальном округе, а также его позитивное развитие, осуществляемое путем совершенствования управления [6]. Так, стратегическое планирование можно считать тем инструментом управления, который направлен на развитие и улучшение образовательных услуг.

Стратегическое планирование принято рассматривать как комплекс мероприятий долгосрочного периода осуществления, направленный на развитие образовательной организации [4]. Стратегическое планирование необходимо совершать на основе проведенной оценки, а также с учетом законодательства РФ и различных государственных программ.

Основная задача планирования – это стратегическое видение пути к успеху, достижению высокого качества образовательной среды и образовательных результатов, выявление и устранение внешних и внутренних факторов, препятствующих достижению успеха.

К негативным факторам можно отнести внутренние и внешние, а также видимые и скрытые дефекты [8]:

Под внутренними дефектами необходимо понимать недостатки, возникшие по вине самой образовательной организации (такие как низкое качество процесса образования, внутренние конфликты педагогического коллектива, некачественное управление организацией).

К внешним дефектам можно отнести как влияние окружающей среды, так и низкую степень взаимодействия с ней. Под окружающей средой в большей степени следует рассматривать работу школы и родителей.

Видимые дефекты непосредственно отражаются в низком уровне знаний учащихся.

Скрытые дефекты, как правило, становятся заметны только при длительном и глубоком анализе деятельности организации и при отслеживании дальнейшей судьбы выпускников.

Таким образом, стратегическое планирование в управлении качеством образования является позитивной тенденцией развития и повышения уровня образованности населения муниципального округа и в целом всей страны [3]. При стратегическом планировании необходимо выделять отличительные признаки государственного управления, к которым относятся масштабы работы, ответственность перед населением, отчетность, оценка результатов и структура государственного аппарата управления.

Для повышения качества выполнения стратегического управления в сфере образования на муниципальном уровне необходимо ориентироваться на более успешный опыт коммерческого управления (в тех нишах, где это возможно) [8]. Так как персонал образовательной организации, как правило, лично не заинтересован в реализации стратегического проекта, необходимо использовать раличные способы мотивации и стимулирования.

Наиболее важным фактором стратегического планирования является квалификация персонала. Постоянная динамика развития отражает необходимость повышения квалификации организаций руководителей образовательных и педагогов, подобно организациям коммерческого сектора. Кроме того, в перечень обязательных направлений профессионального роста сотрудников можно включить непрерывное обучение, повышение квалификации, совершенствование техники решения проблем.

Таким образом, совершенствование управления качеством образовательных услуг на муниципальном уровне невозможно без стратегического планирования, осуществляемого в долгосрочном периоде. Стратегическое планирование должно осуществляться только на основе анализа, с учетом различных факторов. Качество образовательных услуг должно повышаться и соответствовать прогрессивному мировому развитию, в связи с чем рассмотрение вопроса о совершенствовании управления качеством образовательных услуг на муниципальном уровне с учетом стратегического планирования имеет высокую практическую значимость в современном мире.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // КонсультантПлюс. URL: http: //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 22.12.2019).

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации // Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // СПС «Гарант». URL: http://base.garant.ru/70684666/#help (дата обращения: 11.10.2019).
4. Земляная Т.Б., Павлычева О.Н. Полномочия государственных органов и органов местного самоуправления в сфере управления образованием // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-2 (69-2). С. 417–422.
5. Магомедов Р.М. Проблемы управления развитием муниципальных систем образования. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2014. 8 с.
6. Носов А.Г. Государственная политика в сфере образования – реформы, результаты, ожидания // Известия Саратовского университета. Новая серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 1. С. 90–94.
7. Тимонина Ж.Н. Система образования как объект государственного управления // Саяпинские чтения: сб. материалов круглого стола / отв. ред. Я.Ю. Радюкова. 2016. С. 250–259.
8. Цороева Л.С., Тимченко В.А. Пути повышения эффективности государственного управления в сфере образования // Научный потенциал молодежи: новый взгляд на решение проблем: материалы межвузовской научно-практической конференции аспирантов, магистрантов и студентов. Пятигорск: Северо-Кавазский институт-филиал РАНХиГС, 2016. С. 288–294.

IMPROVING THE MANAGEMENT OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES AT THE MUNICIPAL LEVEL

V.A. Lipatnikova, D.D. Shapkina, S.V. Rozova

Tver State Technical University, Tver

The article presents strategic planning options, borrowed from commercial activities, to improve the management of the quality of educational services at the municipal level.

***Keywords**: education quality management, strategic planning, municipal level.*

Об авторах:

Липатникова Виктория Алексеевна – студентка 3-го курса направления «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: stimulka1995@mail.ru

Шапкина Дарья Дмитриевна – студентка 3-го курса направления «Управление качеством», ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: dasha-shapkina@mail.ru

Розова Светлана Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление производством», Тверь. E-mail:rozova.svietlana@mail.r

Lipatnikova Viktoria Alekseevna – Student of the 3th course, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: stimulka1995@mail.ru

Shapkina Daria Dmitrievna – Student of the 3th course, a direction «Quality Management», Tver State Technical University, Tver. E-mail: dasha-shapkina@mail.ru

Rozova Svetlana Viktorovna – PhD (Economical Sciences), Ass. Professor, Tver State Technical University, Tver. E-mail: Rozova.svietlana@mail.ru

Правила представления статей для публикации в журнале

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек.

Не допускается дословное цитирование без кавычек чужих и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в Российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12 пт, абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами), выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа. Далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится. Далее пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники приводятся в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – зам. главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Республика Беларусь, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Учредитель: ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет».
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-74323 от 19 ноября 2018 года.
Индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22, каб. 425А.
Телефон редакции: (4822) 784190, доб. 1, адрес электронной почты: vestnik-tstu@mail.ru